

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО ЗА МНОЙ

ТАТЬЯНА ПОЛЯКОВА

авантюрный детектив

Авантюрный детектив

Татьяна Полякова

Последнее слово за мной

«ЭКСМО»

Полякова Т. В.

Последнее слово за мной / Т. В. Полякова — «Эксмо»,
— (Авантюрный детектив)

Неужели прикованный к инвалидному креслу бизнесмен и вправду готов выложить миллион долларов тому, кто вернет ему сбежавшую супругу? Или дело в его завещании, ведь жена – единственная наследница? Как бы то ни было, Наташу заставляют сыграть роль беглянки, на которую она похожа как две капли воды. Так похожа, что муж, кажется, и не замечает подмены... Зато она подозревает, что все не так просто. Кто-то затеял хитроумную комбинацию, в которой ее используют как пешку и в нужный момент выведут из игры, заставив замолчать навсегда. Однако этот «кто-то» крупно просчитался. «Последнее слово за мной!» – решает Наташа и начинает свою игру...

© Полякова Т. В.

© Эксмо

Татьяна Полякова

Последнее слово за мной

Как мы умудрились перепутать чемоданы – ума не приложу. Конечно, они были совершенно одинаковые: кожаные, черные, с полосой металлического цвета. Таких чемоданов в поезде не один десяток. Состав не спеша подбирался к вокзалу, и я выставила чемодан поближе к двери купе, а сама, положив сумку на колени, устроилась возле столика и таращилась в окно. Сердце неожиданно забилося часто-часто, точно мне предстояла встреча с любимым человеком после долгой разлуки, а губы сами собой сложились в улыбку. Мне не терпелось выйти на перрон, вздохнуть полной грудью, а потом идти куда-нибудь, радуясь знакомым местам и подмечая перемены.

– Наташенька, да вы волнуетесь, – улыбаясь, заметил Геннадий Сергеевич, мой сосед по купе, очень милый человек с манерами старого барина.

– Волнуюсь, – кивнула я. – Даже самой удивительно.

– За двенадцать лет многое изменилось, – вздохнул он. – И все же надеюсь, что город вас не разочарует.

Вагоны замерли, потом дважды дернулись и очень медленно подползли к перрону.

– Ну вот. – Геннадий Сергеевич достал свой чемодан, улыбнулся, точно желая меня подбодрить, распахнул дверь купе и подхватил оба чемодана. – Что ж, Наташенька, с возвращением на родину.

– Спасибо. – Я шагнула вслед за ним, повесив на плечо сумку. – Геннадий Сергеевич, вы не беспокойтесь, чемодан я сама понесу.

– Нет-нет, обижаете, молодая женщина с большим чемоданом в окружении мужчин – мое сердце не выдержит такого зрелища. Так что, сударыня, хотите вы того или нет, а я вас немного провожу, конечно, если вы доверяете свою собственность такому типу, как я.

Он засмеялся, а я, продвигаясь вслед за ним к тамбуру, хмыкнула и сказала в ответ:

– На подозрительного типа вы совершенно не похожи.

– Вот и отлично.

Пассажиры покидали поезд, кто-то улыбался, кто-то хмурился, суетливо оглядывался, высматривая родных на перроне. Мне высматривать было некого, но все равно я вертела головой и неизвестно чему улыбалась.

Вокзал был новым, по крайней мере раньше он выглядел иначе: приземистое здание с колоннами и широкой лестницей, узкие стрельчатые окна с лепниной, по фасаду затейливый орнамент из пятиконечных звезд, лент и снопов пшеницы. В детстве я любила его рассматривать в ожидании электрички, когда мы отправлялись на дачу в пятнадцати километрах от города.

– Гена, – услышала я совсем рядом и вздрогнула от неожиданности.

Высокая женщина с пышной прической появилась откуда-то сбоку. Геннадий Сергеевич поставил чемоданы и с улыбкой обнял ее.

– Как доехал? – торопливо спрашивала женщина. – Как твой желудок? Ты лекарство принимал?

– Разумеется. – Геннадий Сергеевич слегка отстранился и повернулся ко мне: – Наташенька, это Софья Васильевна, моя супруга.

– Очень приятно, – кивнула я.

Софья Васильевна взглянула на меня мельком и подхватила мужа под локоть:

– У Сашеньки неприятности, представь...

– Подожди, Соня... – Геннадий Сергеевич вновь повернулся ко мне, а я торопливо подхватила свой чемодан:

- Спасибо вам большое, дальше я сама.
- Давайте я донесу ваш чемодан до стоянки такси, – предложил мой любезный попутчик.
- Нет-нет, не беспокойтесь. Мне нужно позвонить. Думаю, на вокзале есть таксофоны.
- Конечно, есть, – поддержала Софья Васильевна.

Мы простились, Геннадий Сергеевич с супругой направились вдоль перрона к стоянке такси, а я, толкнув тяжелые двери, вошла в здание вокзала, огромного, гулкого, со скользкими мраморными плитами под ногами. Я шла, хлопая по щиколотке тяжелым чемоданом, и высматривала телефон. Сумка то и дело соскальзывала с плеча. Надо было засунуть ее в чемодан, немного денег на такси оставить в кармане: одна рука будет свободна и с чемоданом станет меньше проблем.

Тут я увидела таксофоны и направилась к ним. Для весеннего времени на вокзале было не так уж многолюдно, может, оттого, что сезон отпусков еще не начался. Я приткнула чемодан у стены, в кассе купила жетоны, стараясь не терять чемодан из виду, достала из сумки записную книжку и авторучку и набрала номер городской справочной. Меня интересовали гостиницы. Кататься по городу с тяжелым чемоданом представлялось глупым, поэтому я решила для начала справиться по телефону, где есть свободные номера. В первой же гостинице мне повезло: номера были, причем по скромной цене, как раз то, что мне нужно.

Гостиницу «Заря» я хорошо помнила (разумеется, если ее за это время не успели перестроить, как железнодорожный вокзал) – пятиэтажное здание почти в центре города, тоже с колоннами и лепниной по фасаду (застройка центра в основном пришлась на пятидесятые годы, и это наложило печать на его облик). Устроюсь в гостинице, приму ванну, а потом отправлюсь на пешую прогулку по городу. Весь день сегодня можно бездельничать. Надо, конечно, заняться поисками квартиры и попробовать узнать, как здесь насчет работы, но это все завтра. Радуюсь тому, что пока все складывается удачно, я переложила паспорт и сотенную купюру в карман джинсов и открыла чемодан с намерением убрать в него сумку. Вот тут меня и ждал сюрприз. Чемодан вовсе был не моим!

- Ну надо же, – простонала я. – Вот тебе и повезло.

Не зря говорят: хочешь, чтобы везение тебе изменило, – вспомни о нем. Язык-то без костей... Копаться в чужом чемодане неприлично, только что же поделаешь, раз я должна как-то найти его владельца. Хотя всю дорогу мы с Геннадием Сергеевичем мило беседовали и даже успели поведать друг другу истории своих жизней, однако я не знала ни его фамилии, ни где он живет, даже номера телефона он не оставил, и теперь я надеялась только на то, что в чемодане окажется паспорт или иные бумаги, позволяющие найти Геннадия Сергеевича в большом городе. Испросив у господина благословения и поддержки, я принялась рыться в чемодане. Господь благоволил ко мне: в кармашке с левой стороны лежала записная книжка, а в ней визитки. С облегчением я прочитала: «Соломахин Геннадий Сергеевич» и номера телефонов, служебный и домашний.

Я торопливо набрала номер, но телефон ответил длинными гудками. Неудивительно: если Геннадий Сергеевич живет далеко от вокзала, то он не успел добраться до дома даже на такси.

- Ничего страшного, – сказала я себе и устроилась на скамейке. – Главное, что телефон у меня есть.

Я взглянула на часы, достала из сумки книжку и приготовилась терпеливо ждать. Но читать так и не смогла: смотрела за окна на вокзальную площадь, торопливо проходящих мужчин и женщин, сквер слева с большим фонтаном, голубей, важно расхаживающих по тротуару, троллейбусы, с гулом проносящиеся мимо, и памятник Ленину в самом центре площади. Может, сдать чемодан в камеру хранения и немного прогуляться? На то, чтобы приехать на вокзал, Геннадию Сергеевичу потребуется время... Нет, лучше держаться ближе к телефону, вдруг он живет недалеко и вскоре окажется дома?

Хоть я и уговаривала себя быть терпеливой, но то и дело вскакивала со скамейки и звонила. В один из таких моментов мне и показалось, что кто-то пристально наблюдает за мной. Я набрала номер и вдруг непроизвольно поежилась: чувство было такое, будто кто-то сверлит взглядом мой затылок. Я торопливо обернулась, выискивая любопытного. Не так много пассажиров, ждущих отправления своих поездов: кто-то дремлет, кто-то читает, кто-то смотрит в окно, как я. Никому до меня никакого дела. И все-таки странное чувство не проходило.

Я вернулась на скамью, сделала вид, что читаю, а сама принялась обшаривать глазами пространство перед собой. Совершенно никакого интереса к моей особе. «Чепуха, – вздохнула я. – Даже если кто-то и смотрит, что с того? Человек, как и я, мучается бездельем, вот и пялится в чужую спину. Чудаков хватает». Однако мысли эти не успокаивали, а необъяснимая тревога все нарастала, поэтому, в очередной раз набрав номер телефона, я невероятно обрадовалась, услышав голос Геннадия Сергеевича.

– Наташенька, какая вы молодец, – сказал он. – А я, старый дурак, умудрился перепутать чемоданы. Ну что ты будешь делать...

– Геннадий Сергеевич, вы извините, мне пришлось в вашем чемодане покопаться.

– Слава богу, что визитки были там, не то пришлось бы мне рыскать по всем гостиницам в поисках красавицы Натальи, фамилии которой я не знаю. Наташенька, простите старика, я через полчаса подъеду.

– Не торопитесь, Геннадий Сергеевич, я в зале, где кассы на поезда дальнего следования, возле таксофонов.

– Лечу, лечу, – заверил он, а я с облегчением вздохнула. Полчаса – не так много.

Геннадий Сергеевич приехал даже раньше, через двадцать пять минут. В окно я видела, как возле ступеней остановились синие «Жигули», из них показался Геннадий Сергеевич, а за ним толстый-толстый дядька, он открыл багажник и достал мой чемодан. На радостях я подхватила чемодан Геннадия Сергеевича и бросилась к выходу. Здесь мы и встретились.

– Наташенька, ради бога извините...

– Ничего страшного, главное, что мы быстро нашли, – улыбнулась я. Мы обменялись чемоданами, посмотрели на них и засмеялись.

– Опять бы не перепутать, – покачал головой Геннадий Сергеевич. – Вы решили, в какую гостиницу поедете?

– Да. В «Зарю».

– Это немного не по пути... – начал он, но я перебила:

– Нет-нет. Спасибо, я доберусь. Не то мы в самом деле опять чемоданы перепутаем. Стоянка такси в трех шагах. Еще раз спасибо.

– Это вам спасибо, – сказал он и направился к синим «Жигулям», а я к стоянке.

День был жаркий, несмотря на конец апреля. Пройдя метров тридцать, я остановилась и сняла плащ, перекинула его через руку. Но так обе руки оказались заняты, и я решила убрать его в чемодан вместе с сумкой – она продолжала сползать с плеча и уже начала действовать на нервы. В общем, я добрела до скамейки, поставила на нее чемодан и... Кто-то вдруг толкнул меня и рванул сумку так, что ремешок выскользнул из рук. Я вскрикнула, качнулась и, повернув голову, увидела спину мальчишки, который со всех ног улепетывал по тротуару, размахивая моей сумкой.

– Стой! – отчаянно крикнула я, хотела было броситься за ним, но вспомнила про чемодан и только тяжело простонала. В этот момент от толпы, ждущей сигнала светофора, отделилась женщина. Мальчишка как раз поравнялся с ней, он намеревался пересечь площадь, не обращая внимания на светофор, но женщина ловко выставила ногу – шустрый воришка споткнулся, едва не упал, уронил сумку, женщина молниеносно ее подхватила, а мальчишка, восстановив равновесие, бросился бежать под громкие крики толпы.

Женщина направилась в мою сторону, а я с облегчением вздохнула.

– Ваша? – спросила она, протягивая сумку.

– Моя. Спасибо. Я даже сообразить не успела...

– Хорошо, что следом за паршивцем не кинулись, остались бы без чемодана. Зевать здесь нельзя, такие специалисты работают, что только диву даешься.

– Спасибо, – еще раз повторила я, глядя на женщину с большой признательностью и понятия не имея, как ее словесно выразить, разве только еще раз пять повторить все то же «спасибо».

Женщина была лет на семь старше меня. Дорогой костюм, модная стрижка... В ней чувствовались уверенность и желание повелевать. Она тоже оценивающе разглядывала меня, улыбаясь краешками губ. Я наконец-то убрала злополучную сумку и плащ в чемодан и теперь в нерешительности переминалась с ноги на ногу. Уйти – вроде бы невежливо, а продолжать разговор мне не хотелось. Я покосилась в сторону стоянки такси.

– Издалека? – спросила женщина.

– Из Душанбе, – ответила я, а она по-мальчишески свистнула.

– В командировке были?

– Нет, жила там. А вот теперь сюда.

– В отпуск?

– Как получится. Вообще-то, думаю, навсегда. Я здесь родилась.

– Остановиться собираетесь у родственников?

– У меня здесь даже знакомых нет. Поеду в гостиницу. «Заря» – это ведь в центре? Я не путаю?

– Не путаете. Идемте со мной, – вдруг сказала моя новая знакомая. – Я на машине, мне как раз в центр надо. Довезу. Чемодан у вас на вид тяжелый.

– Спасибо, я на такси, – торопливо заверила я.

– Да бросьте вы, мне ж это ничего не стоит. – Она сделала несколько шагов, оглянулась, подмигнула весело и махнула рукой.

Подхватив чемодан, я зашагала следом. По ту сторону площади, неподалеку от сквера располагалась стоянка легковых автомобилей. Женщина уверенно направилась к ярко-красному «Опелю», по виду совершенно новому.

– Машину водите? – спросила она, заметив мой заинтересованный взгляд.

– Да. У меня были «Жигули», пятая модель. Пришлось продать.

– Что так? – удивилась женщина.

Я пожала плечами:

– Деньги нужны. Я ведь собралась сюда перебираться, да и перегонять машину в такую даль смысла нет.

– Это точно.

Она убрала мой чемодан в багажник и открыла передние двери. Мы сели, пристегнулись, и женщина завела машину.

– А я маме билеты заказывала, – ни с того ни с сего сообщила она. – Мама у меня на юг собралась, в Сочи. Говорит, в мае народу поменьше, купаться она не любит, а загорать в самый раз. – Я кивнула, не зная, что ответить на это. – Меня Светланой зовут, – вдруг спохватилась женщина.

– А меня Наташей, – представилась я и добавила: – Очень приятно.

Она лихо вырулила со стоянки и на весьма приличной скорости покинула вокзальную площадь.

– Значит, вас на разведку послали? – через минуту поинтересовалась она. – Устроитесь, а там и семейство переберется? Говорят, в Душанбе беспокойно, русские уезжают.

– Беспокойно, – вздохнула я. – Только все мое семейство – это я.

– Как так? А родители?

– Отца я с пяти лет не видела, даже не знаю, где он. Мама умерла, когда я еще в школе училась. Вот бабушка и забрала меня в Душанбе. Она там во время войны оказалась, в эвакуации, дед погиб, родни ни там, ни здесь, вот бабуля и решила не покидать насиженное место. А мама здесь училась и замуж вышла, потом я родилась...

– А что с бабушкой? Умерла?

– Да. Этой зимой, – кивнула я и отвернулась. Я предпочла бы молча смотреть в окно, но получилось бы неприлично: Светлана вернула мне сумку, любезно предложила подвезти, так что хочешь не хочешь, а разговор поддерживать надо.

– А по специальности вы кто? – продолжала любопытствовать моя спутница.

– В Душанбе работала в аэропорту в таможене.

– Образование высшее?

– Да. Я в Ленинграде училась.

– А чего там не остались?

– Не знаю, – пожала я плечами. – Прежде всего из-за бабушки. Она никуда уезжать не хотела, а одну ее не оставишь.

– Но теперь, когда ее нет...

– Мне всегда хотелось сюда вернуться, – уклончиво ответила я, надеясь, что больше мне ничего не придется объяснять. Это был город моего детства, он казался мне необыкновенно красивым, солнечным, светлым, и было такое чувство, что только здесь меня непременно поджидает счастье.

– А вы знаете, у меня друг – начальник на местной таможене. Если хотите, я с ним поговорю...

– Правда? – не поверила я.

– Конечно. Обещать ничего не могу, с работой сейчас сами знаете как, но если будет возможность...

– Спасибо вам, – торопливо поблагодарила я и всерьез подумала: «Может, вправду мне здесь повезет? По-настоящему?»

– Подождите спасибо говорить, – засмеялась Светлана. – Я еще ничего не сделала. К тому же приятель мой – тот еще тип, работать с ним не сладко...

– Я работы не боюсь, – заверила я. – А начальство хорошим не бывает, на то оно и начальство, чтобы было кого добрым словом помянуть.

– Это точно, – согласилась она, объехала маленький круглый сквер с клумбой в центре и притормозила, а я с волнением узнала гостиницу «Заря». За двенадцать лет здание ничуть не изменилось, даже стены были выкрашены в тот же блекло-зеленый цвет, и мокрые подтеки на фасаде тоже как будто остались с прежних времен. – Ну вот, – сказала Светлана. – Надеюсь, с номером проблем не будет.

– Не будет, – я торопливо кивнула. – Я уже звонила...

– Что ж, тогда всего доброго. – Она помогла мне достать чемодан, а потом, вернувшись в машину, записала на листке бумаги номер телефона. – Вот. Позвоните мне, я почти всегда дома. Я художница, мне ваше лицо понравилось, очень бы хотелось его нарисовать.

– Спасибо, – должно быть, в сотый раз за двадцать минут сказала я, помахала рукой и стала подниматься по лестнице, слыша, как за моей спиной заработал мотор «Опеля». Я еще раз оглянулась, и Света, выезжая со стоянки, помахала мне в ответ. Вместо безграничной признательности я вдруг почувствовала странное облегчение и самой себе попеняла: «Бабушка была права, ты дичаешь: поговоришь с человеком несколько минут и уже норовишь поглубже в нору забиться. Дремучий ты человек, Наташка». Дремучий или нет, но в обществе я в самом деле не очень нуждалась, на работе было шумно,людно, постоянное напряжение, оттого дома хотелось тишины и одиночества. Ситуация в Душанбе в последние годы к поздним прогулкам по городу не располагала, общение с друзьями в основном сводилось к болтовне по телефону...

Холл гостиницы выглядел пустынно, в углу, возле окна, сидели двое мужчин в форме летчиков, возле газетного лотка стояли женщины, что-то разглядывая, а администратор за стойкой откровенно скучала. Может, поэтому мне она обрадовалась и, пока я заполняла бланк, приветливо улыбалась.

Я получила одноместный номер на третьем этаже. Помнится, когда-то эта гостиница считалась лучшей в городе, по фасаду вечерами вспыхивала неоновая надпись «Интурист», но, как видно, все это осталось в прошлом. Номер, в котором я оказалась через несколько минут, наводил на мысль не об интуристах, а о тщете всего сущего... Обои на стенах давно выцвели и лишились первоначального рисунка, остались только нелепые разводы коричневого цвета, коврик на полу протерся до дыр. Стандартный набор мебели: кровать с розовым покрывалом, кресло, стол, шаткая тумбочка, а на ней цветной «Рекорд», по виду мой ровесник. Кран в ванной подтекал, вместо туалетной бумаги – старательно нарезанные кем-то листы «для заметок».

– Чудеса, – покачала я головой, глядя на это достижение гостиничного сервиса, и добавила громко: – Ты ведь и не надеялась, что тебя здесь ждут все блага земные и принц-красавец на белом коне в придачу.

Насвистывая, я включила горячую воду и, пока ванна наполнялась, разобрала вещи. Вешалок в шкафу оказалось только три, и это неожиданно развеселило. Чемодан опустел, а гостиничный номер моими стараниями приобрел более-менее жилой вид.

Минут пятнадцать я блаженствовала в ванной, затем, посетив гладильную комнату, облачилась в свой лучший костюм, наспех перекусила в ближайшем кафе и отправилась бродить по городу. Он показался мне необыкновенно красивым, на душе было легко, хотелось беспричинно смеяться. Вернулась я поздно, когда на улицах почти не осталось прохожих, а пустые троллейбусы проносились мимо, торопясь к конечной остановке.

В свете подслеповатой лампочки номер гостиницы казался почти убогим, но и это не испортило мне настроения. Я легла, натянула одеяло до самого носа и закрыла глаза. А потом сказала громко:

– Мне повезет.

Утром я купила все местные газеты и занялась объявлениями. Интересовали меня два раздела: «Работа» и «Квартиры». Путем нехитрых подсчетов выяснилось, что денег, которые я смогу выручить за трехкомнатную в Душанбе, с трудом хватит на однокомнатную «хрущевку», а пока есть смысл подыскать себе жилье подешевле, гостиница мне очень скоро станет не по карману.

Из объявлений раздела «Работа» мало что могло привлечь мое внимание, но я все же сделала несколько звонков. Особенно выбирать не приходилось, в крайнем случае сойдет и временная работа, а там посмотрим. После обеда я вновь отправилась гулять, а вернувшись около семи, с удивлением услышала, как в номере звонит телефон. Я торопливо открыла дверь, бегом припустилась к столу и схватила трубку.

– Наташа? – Голос по телефону я узнала не сразу и скорее догадалась, что звонит мне вчерашняя знакомая. Впрочем, кто бы еще мне мог позвонить в этом городе?

– Здравствуйте, Светлана, – отозвалась я.

– Как ваши дела?

– В общем, нормально. Как вы меня нашли?

– Из всех гостей в этой гостинице вы одна из Душанбе. Я вот по какому поводу: моя подруга уезжает в Германию на восемь месяцев, сдает квартиру на это время. Оплата сущий пустяк, но есть условие: квартира должна содержаться в чистоте, у подружки это бзик. Впрочем, квартира небольшая, мебели совсем мало, так что выполнить ее условие будет не так трудно. Само собой, квартира с телефоном и в приличном районе, десять минут – и вы в центре. Ну как?

– Здорово, – ответила я.

– Ну вот и отлично. Она уезжает через неделю, это вас устроит?

– Да, конечно. Даже не знаю, как вас благодарить...

– Я ведь уже сказала, мне очень понравилось ваше лицо... Послушайте, Наташа, думаю, немного свободного времени у вас найдется, почему бы вам не заглянуть ко мне в гости? Это недалеко от гостиницы, записывайте адрес... – Не успела я ответить, как Светлана начала диктовать, а потом сказала: – Берите такси – я заплачу – и приезжайте. Жду. Обещаю накормить вас ужином.

«Все художники немного чокнутые», – решила я, глядя на себя в зеркало. Лицо как лицо, в общем-то довольно симпатичное, если не валять дурака и не приbedняться, но такси и ужин – это слишком.

Добиралась я на троллейбусе, решив не злоупотреблять чужой добротой. Дом, где жила Светлана, в самом деле находился неподалеку от гостиницы. Старое и довольно обшарпанное сооружение в три этажа с нелепой пристройкой наподобие башни сбоку. Вот в этой самой башне и находилась нужная мне квартира.

Светлана открыла дверь в заляпанной краской блузке, босая, с белой косынкой на голове.

– Проходи, – бросила она коротко и поцеловала меня в щеку, точно мы лет сто были закадычными подругами.

– Привет, – промямлила я.

Вообще-то я нелегко схожусь с людьми, и сейчас этот резкий скачок к дружбе меня беспокоил. С другой стороны, в этом городе у меня никого, а Светлана обещала помочь с жильем и даже что-то говорила насчет работы...

– Проходи, сейчас вымою руки и будем чай пить. – Светлана провела меня в огромную восьмиугольную комнату с тремя окнами без занавесок и сказала: – Располагайся, где тебе удобнее, я буквально на пять минут. – Тут она, словно опомнившись, спросила: – Ничего, что я на «ты»? Не возражаешь?

– Нет, конечно, – пожала я плечами.

– Знаешь, я не сторонница всех этих условностей: если мне человек нравится, я так об этом и говорю и вообще доверяю своей интуиции и не считаю обязательным съест с кем-то пуд соли.

Я не знала, что ответить на это, улыбнулась и молча кивнула, давая понять, что с ней согласна. Она исчезла в длинном темном коридоре, а я осмотрелась. Два больших мольберта, картины без рам на стенах, картины на полу, рисунки, краски, пустые тюбики, пластиковые банки, огрызки карандашей и клочки бумаги – полный хаос. Часть комнаты отделяла шаткая деревянная перегородка. Я заглянула за занавеску и увидела продавленную тахту с грязным постельным бельем, старенькое трюмо, на котором стояла бутылка водки – жидкости осталось чуть-чуть на донышке – и граненый стакан. Увиденное мною совершенно не вязалось с обликом Светланы: женщины холеной, элегантной, безусловно не бедной. Покачив головой в недоумении, я вернулась к картинам и не спеша стала их разглядывать. К знатокам живописи я себя не причисляла, но интерес к этому виду искусства у меня всегда был, может, оттого увиденное вызвало недоумение: часть картин оказалась детским подражанием Сальвадору Дали, а остальные – весьма незрелыми пейзажами с обилием зеленого. Было несколько портретов, выполненных пастелью, – впечатление такое, что их наспех рисовал художник-самородок морозным днем на улице с плохой фотографии. При этом у меня было странное чувство, что «Дали», пейзажи и портреты принадлежат разным людям – невозможно представить, что это дело рук одного человека. В общем, какое-то случайное собрание абсолютно бездарных работ.

Тут вошла Светлана, я поспешила улыбнуться и отошла от картин.

– Ты увлекаешься живописью? – спросила она.

– Нет, – заверила я, дабы избавить себя от необходимости высказывать мнение о ее картинах. – Ничего в этом не понимаю.

– Но тебе что-нибудь понравилось?

– Да, – кивнула я поспешно и ткнула пальцем в зимний пейзаж. Домишки вразброс и церковь на горе. Стоя под таким углом, колокольня давным-давно бы рухнула, зато сиреневый снег выглядел очень нарядно.

– Эта? – спросила Светлана. – Мне она тоже нравится. Обожаю русскую зиму, а ты?

– Если честно, я от нее немного отвыкла, – усмехнулась я. Светлана все больше и больше вызывала недоумение. И я уже жалела, что пришла. – В Питере, а тем более в Душанбе зиму трудно назвать «русской».

– Я забыла, откуда ты приехала, – засмеялась Светлана. – Идем пить чай.

Она повела меня на кухню, выглядевшую такой же захлавленной, как и комната, слава богу, хоть чашки были чистые. Чай пили с халвой и яблочным вареньем.

– Я звонила подруге, – сказала Светлана. – В среду сходим, посмотришь квартиру. Коммунальные платежи рублей сто, и мне будешь каждый месяц отдавать сотню. Дешевле ничего не найдешь. – С этим было трудно не согласиться. – К тому же я могу и подождать. Так что проблем у тебя возникнуть не должно. Со своим приятелем из таможни я тоже говорила, пока ничего конкретного, но помочь обещал. Дашь мне копию диплома и выписку из трудовой. Думаю, работу он тебе подыщет.

– Это было бы здорово, – сказала я, испытывая странную неловкость. Точнее, забота Светланы казалась мне странной, хотя чему удивляться: люди разные, иногда встречаются бескорыстные... почему-то очень редко, как правило, все хотят что-то взамен. В настоящий момент я пыталась отгадать, чего хочет Светлана. Она непринужденно рассказывала о себе, о своих друзьях, я слушала, кивала и выжидала время, когда можно будет проститься и уйти.

Около десяти я решила, что вполне могу откланяться, и тут в дверь позвонили. Светлана как раз мыла посуду и попросила:

– Открой.

Я распахнула входную дверь и увидела двух молодых людей. Один держал в руках четыре бутылки пива, другой кильку в целлофановом пакете в левой руке, в правой набор пирожных, а в зубах желтую розу с очень длинным стеблем.

– Привет, – улыбнулся он. – Васильевна трудится?

– Посуду моет, – ответила я.

– Вперед, – радостно скомандовал парень, и они пошли на кухню.

Светлане вручили пирожные, потом розу и кильку, а я подумала: «Самое время сматываться». Но не тут-то было – все трое дружно принялись приглашать меня посидеть немного, в результате мы оказались за большим столом в мастерской. Я выпила пива, чтобы избавиться от докучливого потчевания, улыбалась и приглядывалась к гостям. Того, что принес в зубах розу, звали Игорь, он был выше среднего роста, худощавый, с маленькой бородкой и смеющимися глазами. Наверняка Игорь был душой общества, он сыпал остротами и изо всех сил старался произвести впечатление. Второй, Виктор, выглядел старше, глаза с поволокой, блуждающая улыбка, многозначительные замечания, которые высказывались почти шепотом, насмешливо и как бы невзначай. Оба художники, готовились к какой-то выставке и заинтересованно обсуждали свои дела, но из уважения ко мне тему быстро сменили. А недоумение мое все росло: во-первых, к Светланиной живописи они, судя по всему, относились серьезно, и это попросту обескураживало, во-вторых, опыт общения с творческой интеллигенцией давно укрепил меня в мнении, что говорить эти люди могут только о себе и своих делах, ругать, редко хвалить или спорить, но только о своем, сиди рядом хоть Мата Хари. Исключение делалось для людей, которые чем-то могли быть полезны (например, денег дать). У меня с деньгами туго, так что оставалось гадать, что скрывается за такой фантастической любезностью.

В одиннадцать я твердо заявила, что мне пора. Оба гостя высказали желание меня проводить, поднялись и, недовольно переглянувшись, потопали к двери.

– Ты произвела впечатление, – шепнула мне Светлана таким тоном, точно сообщала о миллионном выигрыше в лотерею. Я ее восторг совершенно не разделяла и, оказавшись на улице, остановила первую же машину, торопливо попрощалась с мужчинами и отбыла в гостиницу.

Всю следующую неделю Светлана звонила мне ежедневно, несколько раз навещала (один раз в сопровождении Игоря) и всячески выказывала заботу. Меня это начинало тяготить. Под разными предлогами я уклонялась от встреч с ней и без конца звонившими мне Виктором и Игорем, чем вызвала ее недовольство.

– Найду я тебе работу, – очень резко сказала она, когда я в очередной раз пряталась от посиделок. – Почему бы тебе не отдохнуть немного?

– Если честно, я еще устать не успела, – ответила я и начала подумывать о том, что, может, есть смысл подыскать квартиру и переехать, не ставя об этом в известность Светлану. Но в общем-то виделись мы не так часто: я целыми днями рыскала по городу в поисках работы, и застать меня в гостинице было трудновато.

В пятницу Светлана пришла довольно поздно, где-то около десяти, устроилась в кресле и, глядя на меня с некоторым недовольством, вдруг спросила:

– Ты что-нибудь слышала о выходных днях?

– Ну, в общем, да, – засмеялась я.

– Весной и летом люди обычно проводят их за городом. А завтра, между прочим, суббота. У моего приятеля дача на Сергиевском озере. Безумно красивое место. Поедем? Что толку болтаться в субботу в городе, конторы все равно закрыты?

– Мы поедем вдвоем? – спросила я.

– Если ты не против, я приглашу Витю с Игорем...

– Я против, – сказала я спокойно. – Разумеется, вы можете отправляться на озеро, а я, пожалуй, останусь здесь.

– Тебе они не нравятся? – нахмурилась Светлана.

– Нравятся, но не настолько, чтобы я проводила с ними время на даче.

– Господи, да что такого? – всплеснула она руками. – Они нормальные ребята, даже не думай...

– Я и не думаю, – пожала я плечами.

– Хорошо, – вздохнула Светлана. – Возьмем одного Игорька, кто-то должен организовать нам шашлыки.

На следующее утро они заехали за мной на Светланином «Опеле». До Сергиевского озера было километров двадцать. Пейзаж выглядел живописно: березовая роща, чуть дальше скопление высоких сосен. Дача стояла на высоком берегу в полукилометре от деревушки – двухэтажное деревянное строение в виде русского терема с резным крыльцом, баней и колодцем во дворе. Когда мы подъехали к палисаднику, на крыльце появился мужчина, видимо хозяин дачи. Высокий, лет тридцати пяти, с интеллигентным лицом и ранней лысиной. Глаза из-за стекол очков смотрели оценивающе.

– Знакомся, – сказала Светлана. – Это Кирилл Сергеевич, а это моя подруга Наташа. Она приехала из Душанбе, и у нее ностальгия по русским пейзажам.

– О, этого у нас сколько угодно, – улыбнулся Кирилл Сергеевич, пожимая руку Игорю, а на меня посмотрел очень внимательно, как будто задался целью определить, что у меня в голове, но сказал только: – Очень рад.

Человеком он оказался сдержанным и в общем-то приятным. К вечеру, прогуливаясь вдоль озера, мы разговорились (он в основном задавал вопросы, а я отвечала) и остались довольны друг другом.

Утром мы опять гуляли, потом катались на лодке, и Кирилл Сергеевич кое-что рассказал о себе. Он окончил политехнический институт, по образованию архитектор (дом построен по его проекту). Потом вдруг понял, что архитектура не его призвание, и круто изменил свою жизнь. Где работает в настоящее время, сообщить не пожелал, впрочем, я и не спрашивала. Чувствовалось, что человек он далеко не бедный и наделенный властью: Светлана в его присутствии как-то затихала, а Игорек и вовсе выглядел меньше ростом. Когда мы катались на лодке, Кирилл Сергеевич заявил:

– О работе не беспокойтесь. И с квартирой поможем. Продавайте жилье в Душанбе и перебирайтесь насовсем.

Я ничего не ответила, только улыбнулась про себя, пытаюсь решить: то ли мне в жизни необыкновенно повезло на хороших людей, то ли... вот это самое «то ли» очень меня занимало. Денег у меня немного, ни друзей, ни ценных знакомых, вообще никого, так что видимый интерес отсутствует. Тогда что? Выходит, мне в самом деле попались очень душевные люди?

Хотя Светлана и называла Кирилла Сергеевича своим приятелем, никакой близости между ними не было и в помине. Скорее даже наоборот: в какой-то момент, наблюдая за ними, я решила, что Светлана его боится, а он относится к ней откровенно пренебрежительно. Игоря же он вообще замечал, только когда требовалось выполнить какую-нибудь работу: вымыть шампуры после шашлыков или вынести кресла на веранду. Мне бы вряд ли пришло в голову отдыхать в доме человека, который с трудом различает гостей на фоне мебели, впрочем, ко мне он отнесся в высшей степени гостеприимно и своего интереса не скрывал. Знать бы еще, какого рода этот интерес... Перед обедом Кирилл Сергеевич спросил мой номер телефона в гостинице, аккуратно записал его в книжечку и улыбнулся.

– Ждите звонка. Надеюсь, смогу вас порадовать. – Я принялась его благодарить, а он, смеясь, сказал: – Лучше выпейте за мое здоровье, – и пригласил нас к накрытому в саду столу.

Хотя на правах хозяина приглашал он, шеф-поваром был Игорь и, честно говоря, сумел произвести впечатление. Мы выпили две бутылки красного вина, арктический холод исчез из глаз Кирилла Сергеевича, и он лихо рассказал пару смешных анекдотов, после чего слово взял Игорь и до самого вечера веселил нас различными историями, запас которых был у него неистощим. Теперь собравшиеся за столом в самом деле походили на друзей, и тревожные мысли меня оставили.

– Я вас сейчас своей настойкой угощу, – заявил Кирилл Сергеевич и вынес из дома хрустальный графин. Жидкость в нем по цвету напоминала коньяк. – Давайте-ка по рюмочке...

Настойка оказалась крепчайшей, у меня даже слезы на глаза навернулись. Похвалив хозяйина, Игорь предложил повторить и повторил, а мы со Светой отказались: ей предстояло вести машину, а я к выпивке всегда была равнодушна, а вот головную боль по утрам не жаловала. В конце концов Игорь выпил в одиночку почти весь графин, и в машину его буквально загружали. Он с комфортом устроился на заднем сиденье и вроде бы уснул. На сборы ушло минут пятнадцать, и вскоре Кирилл Сергеевич уже провожал нас. Он еще раз велел мне ждать звонка и помахал рукой, а Светлана лихо рванула с места. Машину вдруг начало кидать из стороны в сторону, Светлана смеялась и вообще вела себя странно. Тут я подумала, что выпила она довольно много, и забеспокоилась. Лесная дорога не предполагала, что по ней будут нестись на скорости сто двадцать, и езда больше напоминала скачки.

– Мы ведь не очень торопимся, – заметила я.

– Извини. – Светлана сбросила скорость. – Иногда так приятно прокатиться с ветерком... Хочешь сесть за руль?

– Нет, спасибо, – ответила я, хотя и подумала, что в данной ситуации это было бы разумно.

– Чего ты, попробуй, здесь ни души... ни встречных машин, ни милиции. Садись...

Минут пять она меня уговаривала, а машину все это время швыряло по дороге.

– Перестань валять дурака, – не выдержала я.

– А мне нравится так ездить. Ну, сядешь за руль или нет?

– Хорошо, – согласилась я. Мы поменялись местами. Быстро стемнело, я включила дальний свет, но тут выяснилось, что левая фара вообще не горит, а правая только в режиме ближнего света. – Что у тебя со светом? – проворчала я.

– А... – отмахнулась Светлана. – Ерунда. Доедем. Слушай, какого черта ты еле плетешься? Это «Опель», а не паршивая «копейка»!

Она хохотнула и прижала ногой мою ногу к педали газа. Машина рванулась вперед.

– Прекрати, – разозлилась я. Машину повело вправо, я с трудом ее вывернула и зло повторила: – Прекрати.

Светлана засмеялась и, продолжая давить на газ, потянула руль на себя.

– Ты спятила! – рывкнула я и оттолкнула ее локтем. Все происходящее здорово напоминало неожиданный припадок безумия. Она вдруг убрала ногу с педали, потом обняла меня за шею и смачно поцеловала. – Чокнулась, – отстраняясь, пробормотала я. – Не можешь ты быть такой пьяной. На даче ты была в норме...

Не успела я договорить, как слева мелькнуло что-то темное, я охнула, нажала тормоз, услышала чей-то крик, а потом и сама заорала, на долю секунды увидев в лобовом стекле бледное лицо с обезумевшими от ужаса глазами. Машина продолжила движение, я пыталась ее остановить, но Светлана вновь нажала педаль газа и крикнула:

– Ты что, рехнулась? Сматываемся отсюда...

– Господи, я сбила человека, – выдохнула я, боясь, что сейчас упаду в обморок.

– К черту, это просто бродяга.

На какое-то время я словно оцепенела от ужаса, а машина продолжала нестись вперед – руль держала Светлана.

– Останови, – собравшись с силами, сказала я. – Останови машину, мы должны вернуться...

– Свихнулась? – Лицо ее побелело как мел и стало таким злым, что казалось уродливым. – В машине трое подвыпивших граждан, возвращающихся с шашлыков, да нам отвесят на всю катушку!

– Этот человек, возможно, нуждается в помощи. Вернемся и отвезем его в больницу...

– Может, ты такая честная, а мне своя шкура дороже. Мне не нужны заморочки с милицией! Это какой-то бомж. Кому еще придет в голову шляться ночью в лесу? Сматываемся отсюда и забудем об этом.

Тут мне все-таки удалось остановить машину.

– За такие вещи положена тюрьма, – срывающимся от злости голосом сказала я.

– Точно. Ты в ней окажешься очень быстро, если дурака валять не перестанешь. Это ты его сбила, ты! Проведут экспертизу – сколько ты сегодня выпила? Ну-ка, вспомни! Вполне достаточно для того, чтобы вклеить тебе срок на всю катушку, и мне достанется, машина-то моя... Если тебе наплевать на свою жизнь, то о моей хотя бы подумай, у меня выставка на носу, на кой черт мне эти разборки с милицией?

Она уже орала во весь голос, а я вдруг почувствовала пустоту в груди и странное спокойствие.

– Мы должны вернуться, – дождавшись, когда она перестанет кричать, сказала я. – Понимаешь, должны.

– Не понимаю, – отрезала она. – Если ты хочешь взглянуть на этого бродягу – пожалуйста. Но только не на моей машине.

– Это глупо, – стараясь говорить спокойно, покачала я головой. – Тебе все равно придется беседовать с милицией...

– Иди ты к черту! – рывкнула она и отвернулась, а я вышла из машины и торопливо зашагала назад.

Было довольно темно, я ускорила шаг и теперь почти бежала. От места происшествия мы отъехали метров на пятьсот-шестьсот. Меня бил озноб: вот сейчас увижу искалеченное тело на дороге, кровь... Вот две сосны в виде английской V, значит, совсем рядом... Я прошла еще метров триста – дорога была абсолютно пустынная. Несмотря на темноту, не заметить тело человека я не могла. Значит, ударом его отбросило далеко в сторону. Задышавшись от волнения, я пошла по обочине. Совсем рядом довольно глубокая канава, а потом заросли молодых березок. И ничего, что указывало бы на недавнюю трагедию. На поиски я потратила не меньше сорока минут, в изнеможении привалилась к шероховатому стволу сосны и с тоской посмотрела в небо. Звезды взирали равнодушно, а мне захотелось плакать. Я различила тусклый свет единственной фары, а вскоре услышала шум мотора: Светлана все-таки решила вернуться.

– Ну что? – бросила она хмуро, затормозив рядом со мной.

– Никого нет.

– Слава богу... Значит, он очухался и смылся. Говорю, это какой-то бродяга, они живучие... Садись в машину.

Я покорно села, продолжая вглядываться в темноту, а Светлана стала разворачивать «Опель». На узкой дороге это было нелегким делом, на мгновение свет единственной фары выхватил из темноты силуэт... машина, кажется... Я так и не успела разглядеть, а потом усомнилась: какая, к черту, машина, что ей делать в стороне от дороги в такое время?

Благополучно развернувшись, Светлана направилась в сторону города. Теперь она ехала очень осторожно, стрелка спидометра застыла на отметке семьдесят.

– Господи, ну надо же... – пробормотала она, когда мы выехали на шоссе, посмотрела на меня и виновато добавила: – Извини, я, кажется, себя вела не лучшим образом... я здорово испугалась...

– Я тоже, – вздохнула я. – Не могу понять, куда он делся?

– Значит, задело его несильно, иначе он не смог бы так быстро очухаться и сбежать.

– Куда он сбежал, по-твоему?

– Откуда мне знать? Наверное, в эту деревушку на холме. Какая разница, где он живет... Вот черт, до сих пор руки дрожат. Слава богу, что все так закончилось. – Светлана повернулась и зло посмотрела на спящего Игоря. – А этот спит, как младенец... хотя, может, и к лучшему. Лишние свидетели нам не нужны.

Я вздохнула и стала смотреть в окно. В отличие от Светланы никакого облегчения я не ощутила, скорее наоборот: тревога нарастала, мне вдруг захотелось вернуться и все еще раз как следует осмотреть. Глупо, конечно, в темноте я не найду никаких следов происшествия, я даже место точно определить не смогу... Мы уже въехали в город, Игорь сонно завозился сзади, а Светлана спросила:

– Может, сегодня у меня переночуешь?

– Нет, спасибо, – ответила я, мечтая скорее оказаться в одиночестве. Странная, странная, до жути нелепая история.

Светлана остановила машину возле гостиницы, я поспешно простилась и поднялась к себе. Может, имеет смысл позвонить в милицию? Вдруг этот человек все еще там? Я отправилась в ванную, включила воду и долго стояла под горячим душем, пытаясь понять причину нараставшего во мне гнетущего беспокойства.

– Что-то тут не так, – громко заявила я и даже головой покачала. – Что-то не так.

Всю ночь меня мучили кошмары: бледное лицо, прижавшееся к лобовому стеклу, лес и церковь на пригорке. Проснулась я часов в семь и торопливо покинула номер. Долго бродила по улицам, пытаясь успокоиться и убедить саму себя в том, что вчера все обошлось без траги-

ческих последствий, человек жив, а я должна поскорее забыть эту чертову лесную дорогу и заняться своими делами...

– Только бы он был жив, – бормотала я, чувствуя, что ни о каких делах думать не в состоянии.

К обеду я вернулась в гостиницу. Голова раскалывалась от боли, очень хотелось спать долго-долго и без сновидений. Я прилегла, не раздеваясь, на кровать и уставилась в потолок. Не прошло и десяти минут, как в дверь очень осторожно постучали. «Не дай бог, Светлана», – испугалась я. После вчерашнего встречаться с ней совершенно не хотелось, но все-таки я пошла открывать. На пороге стоял Кирилл Сергеевич – его я меньше всего ожидала увидеть.

– Здравствуйте, – растерялась я. Он не ответил, прошел в номер и сел в кресло. В некотором недоумении я прошла за ним. – Как вы меня нашли? – спросила, чтобы только что-то спросить, и тут же отметила про себя, как изменилось его лицо. От вчерашней любезности и следа не осталось, он смотрел холодно, даже отчужденно, потом слегка усмехнулся и сказал:

– Вы плохо выглядите, Наталья. Переживаете из-за случившегося?

– Вам Светлана рассказала?

– Нет, – он покачал головой, потом достал из кармана куртки несколько фотографий и протянул мне.

Я взяла их, взглянула на первую и нахмурилась, сердце заныло, а в животе что-то свернулось тугим тошнотворным клубком. В высокой траве лежал, странно скорчившись, мужчина. Открытые глаза, кровь на виске... Не надо особой догадливости, чтобы понять: это труп. Еще на двух фотографиях – тот же мужчина в других ракурсах.

– Кто это? – тупо спросила я, заранее зная ответ.

– Человек, которого вы вчера убили.

– Я никого не убивала, – возвысила я голос, понимая всю глупость подобного заявления.

– Возможно, – спокойно согласился Кирилл Сергеевич. – Это ваша точка зрения. Но у правоохранительных органов есть своя. Вы сбили человека и уехали, бросив его умирать.

– Я вернулась.

– В самом деле? Вызвали «Скорую», сообщили в милицию?

– Я его не нашла. Там никого не было...

– Вы его не нашли и спокойно отправились спать.

– Хорошо. Я его убила, – разозлилась я. – Что дальше?

– Вам должно быть известно: суд, затем тюремное заключение. Лично я не нахожу в вашем деле смягчающих вину обстоятельств, вряд ли их найдет и суд.

– Этого человека не было на дороге, я возвращалась и не обнаружила его.

– Неудивительно. Было темно, машина шла на большой скорости, ударом его отбросило довольно далеко. Кстати, есть свидетели этого происшествия.

– Светлана?

– И она, конечно, тоже. Но в тот момент неподалеку находилась еще одна машина с тремя пассажирами. Именно они подобрали тело...

– Предварительно сфотографировав?

– Предварительно сфотографировав, – кивнул он и вдруг засмеялся.

– Там не было никакой машины.

– В самом деле? – Он как-то противно хихикнул, уставившись на меня. – Вы в этом уверены?

Значит, мне вчера не померещилось, значит, там, под деревьями, действительно стояла машина... Что за чертовщина, а? Не глядя на Кирилла Сергеевича, я придвинула телефон и стала набирать 02.

– Куда вы звоните? – проявил он интерес.

– В милицию, естественно, – ответила я.

Он нажал на рычаг и ласково мне улыбнулся:

– Может быть, не стоит торопиться?

Я положила телефонную трубку, посмотрела в глаза своему нежданному гостю и спросила:

– Кирилл Сергеевич, кто вы?

– Человек, – развеселился он. – Обычный человек, каких множество, а у каждого человека есть свои маленькие проблемы. Есть они и у меня.

– Хорошо, спрошу по-другому. Что вам от меня нужно?

Он полез в карман, вынул еще одну фотографию, положил ее на стол передо мной и постучал по ней ногтем.

– Взгляните, – в голосе его опять звучала насмешка, – и попробуйте ответить, кто это?

На фотографии, вне всякого сомнения, была я... Взяв снимок в руки, я пригляделась внимательнее. Странное чувство овладело мною. Это было мое лицо и вместе с тем не мое. Такую прическу я никогда не носила – волосы короче моих, распущены по плечам и слегка взбиты на затылке, скорее всего химическая завивка. Я волосы зачесывала назад и собирала либо в хвост, либо в затейливую косу (предмет моей гордости), а на фото у меня была челка до бровей. Такой яркой помадой я тоже не пользовалась (предпочитаю розовые тона), и фиолетового костюма в моем гардеробе не было. И все-таки это, без сомнения, мое лицо...

– Это я, – прозвучало не очень уверенно.

– Вы ошибаетесь, – вздохнул Кирилл Сергеевич. – Это Басманова Полина Витальевна. Она старше вас на четыре года, и только это обстоятельство не позволяет думать, что вы сестры-близнецы.

– Шутите, – удивилась я.

– Разумеется, нет. В фантастическом сходстве вы можете убедиться сами.

– Допустим, я убедилась. Что дальше?

– А дальше, Наташа, я бы хотел, чтобы вы некоторое время побыли вот этой женщиной. Так сказать, заменили ее. В знак признательности мы забудем вчерашнее происшествие.

– Мы? – растерялась я. – Кто это «мы»?

– Какая разница, – пожал плечами Кирилл Сергеевич. – Мы – это мы. Не забивайте себе голову. Ваше дело – исполнить порученную роль, а потом забыть все как дурной сон и жить себе преспокойно, ни о чем не думая.

– Вы говорите глупости, – твердо сказала я. – Во-первых, тот человек, что вчера попал под машину...

– Я ведь сказал: если мы договоримся, вы можете забыть о нем...

– Что значит забыть?

– Наташа, – перебил он, – все это совершенно несущественно. Я хочу одного: чтобы вы дали принципиальное согласие...

– Послушайте, я не дам никакого согласия, более того, я позвоню в милицию и...

– Сядете в тюрьму. Я вам не предлагаю ничего противозаконного.

– Выдавать себя за другого человека вполне законно?

– Это маленькая хитрость и ничего более. Наташа, – с состраданием вздохнул он, – на тот случай, если вы решите покинуть город, не поставив в известность меня: ваш паспорт и ваши деньги в моем кармане. Довольно глупо оставлять их в гостинице, хотя носить с собой еще глупее...

Я надолго замолчала, пытаюсь понять, что происходит. Совершенно ясно: я имею дело с людьми, для которых понятия законности и морали начисто отсутствуют. Кто это может быть? Какая-то секретная служба или жулики высокого полета? В любом случае я вряд ли смогу добраться до милиции. Вспомнив странное поведение Светланы вчера вечером, я подумала, что несчастный случай вполне мог быть запланирован. И откуда на лесной дороге взялся этот

человек, не могла же Светлана предугадать... Стоп, а что, если она ничего не предугадывала? Пьяного мужчину привезли в нужное место и в нужный момент толкнули под колеса... Господи боже... Кто этот тип, этот Кирилл Сергеевич? Он запасся фотографией жертвы и свидетелями происшедшего. Серьезный дядя. У него мой паспорт и мои деньги... Вернуться домой я не смогу и очень скоро окажусь на улице в незавидной роли бомжа. Конечно, я могу пойти в милицию и рассказать... что меня подставили? Потому что я на кого-то похожа?

– Кто эта женщина? – обреченно спросила я.

– Обычная женщина, – хохотнул Кирилл Сергеевич.

– Тогда почему я должна изображать ее?

– Видите ли, несколько месяцев назад она покинула своего супруга. Он в отчаянии и поручил мне найти жену, обещав большие деньги за труды.

– И что?

– Я ее нашел. На Канарах. В обществе очень симпатичного миллионера, с которым она не собирается расставаться.

– Рада за вас, – кивнула я, пытаюсь понять, врет он или говорит правду.

– Радоваться нечему, Наташенька, мне обещана премия только в том случае, если я доставлю мадам безутешному супругу. Добиться ее возвращения в Россию возможным не представляется.

– И вы решили сжульничать?

– Я потратил много времени и денег, чтобы так просто отказаться от награды. Вы понимаете?

Почему-то сказанное им вызвало у меня облегчение: он обычный жулик, это не секретные службы и не бог весть что еще... Выходит, у меня есть шанс...

– Допустим, я согласна. И что дальше?

– Дальше все очень просто. Мы приезжаем к вашему мнимому супругу, я получаю свои деньги, а через некоторое время вы вторично покидаете его, теперь уже навсегда.

– А этот мой супруг, он что, слепоглухонемой?

– Рад, что вы не утратили чувства юмора, – съязвил Кирилл Сергеевич. – Ваш супруг вполне нормален.

– Тогда вы останетесь без премии. Допустим, я сменю прическу, но я ни за что не поверю, что муж не сможет отличить свою жену от чужой женщины. Это противоестественно. Кроме внешнего сходства, есть манера поведения, характер, общие воспоминания, наконец...

– Рад, что вы об этом заговорили. Общими воспоминаниями мы и займемся. У нас есть несколько дней, в течение которых вы должны превратиться из Натальи в Полину. Кстати, она предпочитала, чтобы ее называли Полли.

Я потеряла лицо ладонью и устало посмотрела в глаза Кирилла Сергеевича.

– Я плохая актриса...

– Вам так кажется. В конце концов, можно и постараться, чтобы избежать тюрьмы.

– И как долго я должна выступать в этой роли?

– Пару часов, не больше. В течение этого времени я получу свои деньги, и вы свободны как ветер. Я верну вам паспорт, помогу купить квартиру и даже устрою на работу в таможне – это в моих силах. Так что, как видите, все честно...

– Вам что, миллион пообещали? – невесело усмехнулась я.

– Два, – серьезно ответил он.

– Наверное, ваш клиент безумно любит жену?

– Даже более того.

– Тогда ему ничего не стоит обнаружить подмену...

– Вы опять за свое? – Кирилл Сергеевич нахмурился. – Если вы приложите старание, никто ничего не обнаружит. В конце концов, это моя забота. Итак? – помедлив, спросил он. – Свобода и благополучная жизнь или тюрьма и масса прочих неприятностей?

– А у меня есть выбор? – спросила я с усмешкой.

– Нет, конечно, – усмехнулся в ответ он. Достал сотовый телефон из кармана и сказал кому-то отрывисто: – Поднимись в номер.

Через несколько минут в номер вошел рослый парень с плоским, точно смазанным лицом. Узкие губы на нем казались бесцветными, глаза были скрыты темными очками. Общее впечатление крайне неприятное. До его появления мы сидели молча; когда он вошел, Кирилл Сергеевич поднялся и сказал:

– Иван, Наташа едет с нами. Помоги ей собрать вещи.

Он вышел, не оглядываясь, а Иван, привалившись к двери, сложил на груди руки и вроде бы задремал. Я сидела и рассматривала пол. Было ясно, что мой отказ покинуть гостиницу будет воспринят отрицательно и я могу пострадать – например, вывалиться из окна.

– У нас нет времени, – с нажимом заметил Иван.

Я поднялась и стала собирать свои вещи.

Меня привезли на ту самую дачу, на которой мы отдыхали вчера, выделили комнату, где я и жила последующие пять дней. В продолжение этого времени я старательно тренировалась по восемнадцать часов в день. В основном Кирилла Сергеевича беспокоил мой голос – он разительно отличался от голоса Полины Басмановой. Часами я слушала магнитофонные записи и старательно их копировала. Записей было немного: три ничего не значащих телефонных разговора с каким-то Максимом. Вслушиваясь в высокий манерный голос женщины, я пыталась представить, что она за человек. Некоторые слова Полина произносила неправильно, путала ударения и падежи, в выражениях не стеснялась. Ей очень подошла бы роль уличной торговли, но это отпадало: мужья уличных торговек не выплачивают миллионных премий. С первого дня пребывания на даче мне было запрещено говорить своим голосом, и через три дня я уже сносно копировала Полину. По крайней мере, Кирилл Сергеевич остался доволен. «Уроки» он проводил лично, на присутствие в доме Ивана намекали едва слышные шаги да шорох на кухне. Правда, стоило мне подойти к двери на улицу или оказаться на веранде, как Иван сразу же появлялся следом, из чего нетрудно было заключить, что он мой цербер.

– Вы курите? – в первый же вечер спросил Кирилл Сергеевич, когда мы сделали небольшой перерыв в занятиях.

– Нет.

– Придется начать. Полина курила почти непрерывно. – Употребление глагола в прошедшем времени почему-то здорово напугало.

– Она могла бросить курить, разве нет? – пытаюсь успокоиться, усмехнулась я.

– Только не Полина. Она обожает дурные привычки.

– Вы хорошо ее знали? – задала я вопрос, сообразив, что это подходящий случай что-нибудь разведать.

– Да. Некоторое время мы виделись довольно часто. Вам придется сменить походку. Полли двигалась как манекенщица.

– Боюсь, я плохая актриса, я же говорила...

– У вас все отлично получится.

Я училась говорить как Полина, ходить как Полина, сидеть как Полина и даже начала курить. От табака меня тошнило, а манера держать мундштук в вытянутой руке казалась нарочито жеманной. Все чаще я думала о неведомой Полине, иногда мне казалось, что какая-то часть ее существа теперь живет во мне. Оставаясь одна, когда лицедействовать не было смысла, я вдруг сбивалась с шага и шла, подражая ее походке, или поднимала плечи, скрестив руки

на коленях, когда сидела в кресле. Однажды вечером, когда я стояла возле открытого окна и смотрела на звезды, рука вдруг сама потянулась к сигаретам. Я нервно хихикнула и поспешила лечь спать.

Дни следовали один за другим, а меня все чаще одолевали сомнения: смогу ли я выполнить навязанную роль? Кирилл Сергеевич нимало об этом не беспокоился, в ответ на мои слова едва заметно улыбался и говорил: «Не забивайте голову, Наташенька». Его отношение ко мне тоже было загадкой: ровное, предупредительное, очень терпеливое, иногда казалось, что он искренне ко мне привязался. Вместе с тем я дважды ловила его взгляд в зеркале, когда он считал, что я не вижу его лица. Признаться, от такого взгляда становилось не по себе. Одно ясно – на кон поставлены действительно большие деньги, и если я вдруг откажусь... очень возможно, что навсегда исчезну, тем более что искать меня будет некому, и Кириллу Сергеевичу об этом хорошо известно.

Все мои попытки побольше разузнать о Полине и ее муже наталкивались на вежливое, но стойкое сопротивление.

– Вам это совершенно ни к чему, – отвечал Кирилл Сергеевич.

– Но ведь я должна знать об этих людях все...

– Вы забываете, что изображать Полину вам придется пару часов, не более.

– За пару часов нормальный человек способен понять, что ему подсунули двойника вместо жены. Есть привычки, которые знают только очень близкие люди...

– Я вам уже говорил: не волнуйтесь на этот счет. Отношения между ними давно разладились, их брак чистая фикция.

– Почему же он так настойчиво желает вернуть жену?

– Понятия не имею. Может, просто не хочет, чтобы она развлекалась на Канарах, он довольно самолюбивый человек... И больше не будем об этом. Вы приедете к своему мнимому мужу, выкажете неудовольствие от встречи с ним, желательно в свойственной Полине манере, и удалитесь в свою комнату. План расположения комнат я вам нарисую позднее. Ну так вот, вы удалитесь, я получу свои деньги, а потом Ваня поможет вам покинуть дом, вот и все.

– Ваня тоже там будет? – насторожилась я.

– Разумеется. Мы все там будем.

План дома, где жила Полина, впечатлял. Особняк со множеством комнат, бильярдная в подвале, сауна и настоящий бассейн.

– Кто этот человек? – в который раз спросила я.

– Какой? – хмыкнул Кирилл Сергеевич.

– Прекратите. Кто он?

– Скажем, он очень богат. Вас устроит мой ответ?

– Хорошо. Тогда по-другому: на чем он разбогател?

– Сие мне неизвестно. Клянусь. В настоящее время он отошел от всех дел, живет уединенно, почти не покидает дом, общается с ограниченным кругом людей и очень желает вернуть свою жену. Для того чтобы в течение двух часов изображать Полину, вы знаете достаточно.

Я проснулась довольно поздно, около девяти, и удивилась: Кирилл Сергеевич был ранней птахой, и обычно в это время мы уже начинали занятия, а сегодня меня почему-то не разбудили. Не успела я подумать об этом, как в дверь настойчиво постучали и в комнату вошел Кирилл Сергеевич – надо сказать, впервые за то время, что я жила здесь.

– Доброе утро, – улыбнулся он не как обычно, краешком губ, а широко и вроде бы даже счастливо.

– Случилось что-нибудь? – спросила я, натягивая одеяло до подбородка.

– В общем, да... Мы едем к вашему мужу.

– Сегодня? – Голос мой дрогнул.

– Через полтора часа. Надеюсь, этого времени вам хватит на сборы. Помните, что я говорил о косметике... Жду в гостиной. – Он развернулся, чтобы уйти, а я позвала испуганно:

– Кирилл Сергеевич...

– Не волнуйтесь, у вас все получится. И не забудьте: вы теперь Полина, Полли – ей так больше нравится.

Он вышел, а я некоторое время лежала, глядя в потолок, затем отправилась в ванную. Вернувшись оттуда, обнаружила на кровати два чемодана с поднятыми крышками, в обоих была женская одежда. Покопавшись немного, я констатировала, что со вкусом у Полины проблемы: много дорогого и совершенно, с моей точки зрения, бесполезного тряпья. Я выбрала легкий костюм, белый в черный горошек, приготовила плащ (с утра было пасмурно) и устроилась перед зеркалом. Расчесалась, нанесла на лицо макияж, потом щелкнула замками чемоданов и, прихватив плащ, спустилась вниз (чемоданы я оставила в комнате, не хватает только самой их таскать, когда в доме двое мужчин).

Кирилл Сергеевич ждал в гостиной, сидя в кресле перед телевизором. Он критически оглядел меня с ног до головы и удовлетворенно кивнул.

– Отлично. По дороге заедем в парикмахерскую, и тогда вас родная мать не различит. – Он как-то странно хихикнул, выключил телевизор и позвал: – Иван.

Тот незамедлительно появился с чемоданами в руках. Возле крыльца стоял «Мерседес» черного цвета. Загрузив чемоданы в багажник, Иван сел за руль, а мы с Кириллом Сергеевичем устроились сзади. Я сцепила пальцы, чтобы не видеть, как они дрожат.

– Волнуетесь? – Кирилл Сергеевич коснулся рукой моих ладоней и легонько их сжал.

– Волнуюсь, – зло ответила я.

– Все будет хорошо. Вот увидите.

Почему-то я в этом сильно сомневалась.

Дом, где жил мой мнимый супруг, находился в центре города. С проспекта мы свернули на улицу поменьше, я успела прочитать название: Покровская. Слева промелькнуло здание банка, затем школа и несколько жилых домов. Дорога вывела нас к церковной ограде, мы, следуя вдоль нее, свернули налево. Местность здесь холмистая, дорога спускалась вниз, в сторону реки, мы оказались в тихом переулке и притормозили возле металлических ворот. В переулке стоял только один дом, до центральной улицы несколько минут прогулочным шагом, но ощущение было, что мы где-то за городом. Церковь на холме, прямо под нами еще одна улица, но, чтобы попасть на нее, нужно сделать приличный крюк, и никакого жилья по соседству. Огромный дом фасадом на церковь был обнесен высокой оградой из красного кирпича. Чугунные ворота, рядом калитка с переговорным устройством.

Иван посигналил, ворота открылись, и мы въехали во двор. Теперь дом был хорошо виден и поражал не только размерами, но и архитектурой. Должно быть, проектировал его сумасшедший: прямоугольная башня в центре и две круглые по бокам соединены между собой двухэтажными строениями с высокими покатыми крышами. В целом сооружение напоминало европейский замок эпохи крестовых походов или тюрьму. Тюрьму почему-то больше. Сходство подчеркивали тяжелые ставни на окнах и решетки в узких бойницах боковых башен. Окна центральной башни были стрельчатыми, с зеркальными стеклами. Хозяин – оригинал, но одно несомненно: здесь не просто большие деньги, это чертово сооружение обошлось владельцу в сумасшедшую сумму.

Мои размышления прервало появление собак: три добермана с громким лаем выскочили из-за ближайшей башни, я испуганно посмотрела на Кирилла Сергеевича, а он торопливо сказал:

– Не беспокойтесь, собаки здесь недавно...

Вслед за собаками появился высокий светловолосый парень в джинсах и черной водолазке. Он кивнул нам, отогнал собак, и мы вышли из «Мерседеса». На ногах я едва стояла, и первый шаг мне дался с большим трудом.

– Не волнуйтесь, – шепнул Кирилл Сергеевич. – Все просто отлично. И помните: вы у себя...

Парень распахнул широкую дубовую дверь и первым вошел в дом. Мы оказались в огромном холле. Узкие окна-бойницы с решетками, несмотря на весенний день, почти не давали света, бронзовые бра терялись на стенах из красного кирпича, так что холл выглядел невероятно мрачным.

– Алексей Петрович в библиотеке, – сказал наш провожатый, и мы стали подниматься по лестнице, затем прошли длинным темным переходом с низкими сводами и оказались в центральной башне.

Если я ничего не напутала с планом, библиотека находилась на втором этаже. Парень распахнул перед нами дверь, и мы вошли в огромную комнату с двумя стрельчатыми окнами. Три стены комнаты были заняты книжными полками от пола до самого потолка. Я пробежалась взглядом по корешкам книг и не сразу обратила внимание на хозяина: он сидел в кресле рядом с журнальным столом, заваленным газетами. На столе горела лампа: несмотря на время суток, в библиотеке было темно, по крайней мере для того, чтобы читать.

– Добрый день, Алексей Петрович, – сказал Кирилл. Парень как-то незаметно исчез, а я, вспомнив инструкции, села в кресло, закинула ногу на ногу и закурила, не глядя на предполагаемого мужа. Зато он смотрел на меня очень пристально.

Я здорово нервничала, боясь, что он заметил, как у меня дрожат руки, дважды чиркнула зажигалкой без всякого толку и с остервенением запустила ею в стену напротив.

– Черт...

– Здравствуй, Полли, – сказал Алексей Петрович. Голос звучал тихо, в нем слышались странные просительные интонации. Он помедлил и добавил виновато: – Извини, что не вышел тебя встречать.

– Как-нибудь переживу, – огрызнулась я. Он замолчал, по-прежнему приглядываясь, а я возвысила голос: – Кто-нибудь даст мне наконец прикурить?

Кирилл Сергеевич торопливо чиркнул зажигалкой, а потом отошел к окну и замер спиной к нам.

– Я очень рад, что ты вернулась, дорогая, – сказал Алексей Петрович.

– В самом деле? А вот я не очень. Меня тошнит от этого дома. Вроде бы я уже говорила об этом? Нет? Так вот: меня тошнит от этого дома, и я ничуть не рада, что вернулась. Но раз уж мне все-таки пришлось вернуться, я рассчитываю на то, что меня оставят в покое... – Я поднялась с намерением покинуть библиотеку, Алексей Петрович попытался приподняться в кресле, вскрикнул: «Полли!» – и вдруг рухнул на пол. Кирилл бросился к нему, а я замерла с открытым ртом, потому что только сейчас сообразила: человек, сидящий в кресле с закутанными в плед ногами, был инвалидом и не мог передвигаться без посторонней помощи. Кирилл Сергеевич усадил его в кресло, поправил плед на коленях и сказал тихо:

– Успокойся, Алексей, прошу тебя. Она здесь, это главное, поверь, все образуется...

– В самом деле, к чему такие волнения? – сказала я, плюхнувшись обратно в кресло и изо всех сил стараясь скрыть охватившее меня замешательство. – В этом доме найдется выпить? – спросила я.

Выпивка была необходима для того, чтобы справиться с волнением, а главное – выиграть время. Кирилл Сергеевич подошел к резному столику в глубине библиотеки, на котором стояло несколько бутылок, налил коньяка в два стакана, вопросительно посмотрел на Алексея Петровича – тот покачал головой, и Кирилл направился ко мне, на некоторое время заслонив собой моего предполагаемого мужа. Воспользовавшись этим, я одарила своего сообщника

таким взглядом, что он поспешно отвел глаза и даже не рискнул приблизиться вплотную, протянул коньяк и отступил.

– Ты хорошо выглядишь, – сказал Алексей Петрович, по-прежнему пристально глядя на меня. – Гораздо лучше, чем перед отъездом. Путешествие пошло тебе на пользу.

– Мне обязательно выслушивать всякие глупости или я могу пойти к себе и отдохнуть? – скривила я губы.

– Извини, я должен был подумать об этом. – Алексей Петрович попытался приподняться, Кирилл ухватил его за плечо, сдерживая порыв, а он попросил: – Пожалуйста, подойди ко мне.

Я поднялась и нерешительно замерла возле кресла. Кирилл, настороженно следя за мной, едва заметно кивнул, и я сделала шаг, потом второй... В конце концов, мне ничего не оставалось, как подойти к нему, хотя это и не входило в мои планы. Сердце учащенно забилось, а я вдруг подумала испуганно: «Он все понял». Сейчас я выйду на свет, падающий от окна, и он убедится в подмене... «Ну и черт с ним, – решила я неожиданно зло. – Пусть Кирилл объясняет, что это за дурацкий маскарад. Мне он точно не по душе».

Теперь я стояла вплотную к креслу. Алексей Петрович взял мою руку, при этом глядя мне в глаза, легонько сжал ее, а потом поцеловал.

– Я очень рад, что ты вернулась... Может быть... может быть, пообедаем вместе? Как в старые добрые времена? – собрался он с силами.

– Посмотрим, – нахмурилась я, освобождая руку, и торопливо зашагала к двери. Меня слегка покачивало, и я всерьез опасалась упасть в обморок, но библиотеку все же покинула благополучно и смогла перевести дух.

Кирилл остался с Алексеем Петровичем, а я огляделась: длинный мрачный коридор был пуст. Постояв с минуту и успокоившись, я попробовала сориентироваться и отправилась коридором в левую башню, где находилась моя предполагаемая комната.

В доме было до того тихо, что шаги звучали так, точно двигалась я не в жилом помещении, а в огромном погребе. «У моего муженька не все дома, – решила я к концу пути. – Надо быть психом, чтобы построить этот замок, и трижды психом, чтобы в нем жить».

В комнату вела двустворчатая дубовая дверь. Я распахнула ее, вошла в просторное помещение без углов с тремя узкими окнами, забранными решетками, и присвистнула. Комната была битком набита дорогой испанской мебелью: огромная кровать с розовым балдахином, комод с круглыми блестящими боками, бюро у окна с роскошным позолоченным подсвечником, зеркало в черной резной раме, две тахты на гнутых ножках, пяток стульев в стиле ампир, тяжелые портьеры цвета спелой сливы и серо-голубой ковер на полу. Несмотря на огромные деньги, вложенные во все это добро, комната выглядела тюремной камерой. Дело было даже не в решетках на окнах, а в общем духе комнаты – мрачном и вызывающем стойкое неприятие. Плотнo закрыв дверь, я прошла и внимательно все осмотрела: ни одной книги, журнала или клочка газеты. В бюро стопка бумаг и дорогой офисный набор. Ни записной книжки, ни писем, ни открытки к празднику, никаких фотографий, милых безделушек и прочей чепухи, которыми всегда полны комнаты женщин, к тому же богатых женщин – а Полина, безусловно, была одной из них.

Я открыла дверь слева и оказалась в гардеробной: десяток платьев, две шубы в чехлах, шляпные коробки, на полке внизу туфли разных цветов. Туфли совершенно новые, такое впечатление, что их ни разу не надевали. А вот платья носили, это было заметно, хоть и содержались они в безупречном виде.

Еще одна дверь вела в ванную. Множество зеркал отразило мое изумленное лицо: такого видеть мне еще не приходилось. Огромная круглая ванна, больше похожая на бассейн, душ, белый пушистый ковер на полу, стены, отделанные зеркалами с позолотой и мрамором. Не удержавшись, я покачала головой. Может, стоит залезть в ванну перед тем, как покинуть дом, если уж такое счастье привалило? Ухмыляясь, я вернулась в комнату. Задержалась перед туа-

летным столиком – косметики килограмм десять, не меньше. Очень дорогая тюрьма, но все-таки тюрьма. Полина сбежала отсюда, и я не могла ее осуждать за это, хотя встреча с Алексеем Петровичем далась мне нелегко, сама я вряд ли была бы способна бросить человека в его положении. Впрочем, не удивлюсь, если у нее имелась веская причина сделать это. Я знала Полину только со слов Кирилла Сергеевича, ничего в комнате не указывало на особенности ее характера, так что я скорее всего покину этот мрачный дом, так и не узнав разгадки. Что меня, честно говоря, не очень огорчит, хоть я от природы и любопытна, но уж больно здесь жутковато...

Я села в кресло напротив огромного телевизора «Сони», включила его, но тут же вновь нажала кнопку пульта, с усмешкой подумав, что телевизор здесь выглядит инородным телом. Сложив на груди руки и прикрыв глаза, я ждала, когда за мной явится Иван и я покину эту комфортабельную тюрьму.

Примерно через час дверь без стука открылась, и вошел Кирилл Сергеевич. Я с удивлением посмотрела на него: первоначальный план его визита не предполагал. Кирилл должен был получить свои деньги и отбыть восвояси, а Иван вывести меня незаметно черным ходом.

– Что-нибудь случилось? – спросила я, торопливо поднимаясь ему навстречу.

– Все в порядке. Вы были бесподобны. Признаться, я очень волновался... как оказалось, зря.

– Тогда почему вы здесь? – Я вдруг испугалась, точно Кирилл Сергеевич был вестником несчастья. – Вы получили деньги?

– Видите ли...

– Вы получили деньги? – резко перебила я, вцепившись рукой в спинку кресла.

– Нет, – спокойно ответил он. – Пока нет. Для этого необходимо время. Прошу вас, садьте.

– Ничего не желаю слушать. – Я облизнула губы, пытаюсь справиться со страхом и раздражением, вздохнула и продолжила: – Почему вы ничего не сказали мне о том, что он инвалид?

– А что бы это изменило? – поднял брови Кирилл Сергеевич.

– Что значит «изменило»? – разозлилась я. – Мне отвратительна мысль о том, что...

– Разумеется. – Он усмехнулся, а потом, по обыкновению, хихикнул, что, надо сказать, вышло довольно подло. – Вы готовы облапошить здорового человека, а инвалида вам совесть не позволяет.

– Моя совесть – моя забота, – огрызнулась я: он был прав, и это буквально доводило до бешенства. – Но предупредить вы были обязаны.

– Извините, – ответил он миролюбиво. – Ваш муж... то есть муж Полины – инвалид, уже несколько месяцев он не в состоянии передвигаться без посторонней помощи. Это одна из причин, почему Полина покинула его.

– А другие причины?

– Какая разница? – пожал Кирилл плечами, прошелся по комнате и вдруг спросил: – Вам здесь нравится?

– Разумеется, нет.

– В самом деле? – Он вроде бы удивился. – Почему «разумеется»?

– Потому что это не дом, а склеп какой-то. А комната здорово смахивает на тюрьму.

– Очень жаль, – он искренне огорчился, – потому что вам придется пожить здесь некоторое время. Впрочем, вы можете переделать ее по своему усмотрению, сменить мебель...

– Что? – пролепетала я. – Что вы сказали?

– Я сказал: вы можете сменить мебель или подобрать для себя другое помещение...

– Не валяйте дурака. Что вы сказали? Мне придется пожить здесь?

– Да. Некоторое время.

– Послушайте, вы спятели, – теряя твердость, залепетала я. – В конце концов, мы так не договаривались.

– Кое-что изменилось. Вам придется провести здесь неделю-другую.

– Вы точно спятели, – опускаясь в кресло, пробормотала я.

– Нет, я не спятил. И, честно говоря, не понимаю, почему вы так убиваетесь. Рассматривайте это как небольшой отдых в пансионате.

– Идите к черту, – твердо заявила я, встала и направилась к двери. – Я уйду. – Я толкнула дверь и увидела Ивана. Он стоял, сунув руки в карманы замшевой куртки, и исподлобья наблюдал за мной. – Отлично, – я засмеялась. – Вы намерены держать меня здесь силой? По моему, не очень удачная идея. В конце концов, я просто расскажу о вашей милой шутке своему... супругу. В этом случае вы сможете получить свои деньги?

– Боюсь, что не могу вам этого позволить, – вкрадчиво заметил Кирилл Сергеевич.

В то же мгновение Иван ухватил меня за волосы и ударил коленом в живот, я охнула, согнувшись пополам, а он втащил меня, точно мешок, в комнату и закрыл дверь. Я пыталась отдышаться, а Кирилл Сергеевич неторопливо подошел, наклонился к моему лицу и сказал:

– Кажется, вы еще ничего не поняли, Наташенька. Так вот: либо вы делаете то, что вам говорят, либо... либо вы покинете этот дом вперед ногами. Знаете, какой-нибудь несчастный случай: падение с лестницы, например. Лестницы здесь такие, что вполне можно сломать шею. Вы не находите?

– Нахожу, – усмехнулась я, вглядываясь в его физиономию и диву давалась, как я могла находить ее приятной. – И мой вам совет: смотрите сами не свалитесь, ваша шея вряд ли крепче моей.

Кирилл засмеялся, а его помощник отвесил мне пинка. Я потихоньку заскулила, а когда Иван удовлетворенно расслабился, резко приподнялась и двинула ему локтем в известное место. Он скрючился и взвыл, причем гораздо красочнее, чем я минуту назад. Я встала с пола и предупредила:

– Еще раз до меня дотронешься, ублюдок, – проломлю тебе голову. Коридоры здесь темные, и проделать это будет нетрудно: выслежу и убью.

– Bravo, – сказал Кирилл, глядя на меня с заметным удовольствием, впрочем, может быть, удовольствие он симулировал в ему одному ведомых целях.

Иван, перестав поскуливать, выпрямился и теперь ждал, с вожделием взирая на хозяина: разрешат ему свернуть мне шею или придется подождать.

– Выйди, – приказал Кирилл Сергеевич, и тот покинул комнату с крайней неохотой. – Признаюсь, вы меня удивили, – продолжил он, удобно расположившись в кресле. – Оказывается, я кое-что не разглядел в вас... Что ж, давайте поговорим начистоту. Мне неловко повторять свои угрозы по поводу тюрьмы и прочего, хочу только заверить, что все чрезвычайно серьезно, это во-первых, а во-вторых, дело, из-за которого вы здесь находитесь, для меня исключительно важно, говоря проще, я могу получить большие деньги, а это весьма серьезный аргумент, как вы понимаете. Поэтому предупреждаю: при малейшей попытке навредить мне вы покинете этот свет, как говорится, в самом расцвете жизненных сил. Я противник радикальных мер, но колебаться не стану и секунды. Все ясно?

– Более или менее, – усмехнулась я. – Идея с лестницей выглядит неплохо, только вряд ли моя ранняя кончина придется по душе моему мужу, особенно если я оставлю подробное письмо на случай неожиданной смерти.

– Оставляйте что угодно, – захихикал Кирилл. – Если я лишусь денег, вряд ли это взволнует меня особенно сильно. Ваш супруг скорее всего отправится вслед за вами. Безутешный вдовец кончает жизнь самоубийством на трупе любимой жены – такое случается, верно?

В продолжение этой речи я вглядывалась в его лицо и вынуждена была признать, что этот загадочный Кирилл скорее всего не блефует и обещание сдержит.

– Может быть, вы все-таки объясните, с какой стати я должна остаться? – подумав немного, проворчала я.

– Не забивайте себе голову. Чем меньше вы знаете, тем мне спокойнее, и поверьте: вам тоже.

– Хотите обобратить инвалида? – хмыкнула я, надеясь, что он разозлится и это развяжет ему язык.

– У вас сложилось искаженное представление о вашем, с позволения сказать, муже. Он далеко не так беспомощен, как вам показалось.

– Кто он?

– Вы уже задавали этот вопрос. Очень богатый человек, из-за болезни отошедший от дел, сейчас в основном зарабатывает консультациями, поэтому появление гостей в доме не должно удивлять. Это все, что вам необходимо знать.

– Когда я смогу покинуть этот дом?

– И об этом мы уже говорили: неделя-другая, и вы свободны как ветер. Причем, проявляя добрую волю, внакладе не останетесь. Скажем, пятьдесят тысяч премии вас устроят? Долларов, разумеется.

Кажется, рот у меня непроизвольно открылся, а под ложечкой тоскливо засосало: во что, черт возьми, я умудрилась вляпаться?

Я потеряла переносицу и спросила, стараясь создать у Кирилла впечатление, что обещанная премия произвела нужный эффект и теперь я просто забочусь о том, чтобы исполнить свою роль без сучка без задоринки:

– Две недели – очень большой срок, вполне достаточный для того, чтобы мой предполагаемый муж смог заподозрить неладное. Я из-за двух часов здорово волновалась, а тут две недели...

– Вам совершенно необязательно видаться часто. Полина всячески избегала своего мужа. Разве что иногда поужинаете с ним, не более того. В случае чего сделайте вид, что у вас плохое настроение и вы не желаете разговаривать. Должен сказать, сегодня в библиотеке вы вели себя превосходно. Уверен, несколько дней вы продержитесь.

– А если после ужина он попросит меня остаться? – усмехнулась я. – Имейте в виду: в этом случае ваших пятидесяти тысяч будет явно недостаточно.

– Исключено, – покачал головой Кирилл. – Он инвалид, сексуальных домогательств вам нечего опасаться, да и Полина весьма небрежно относилась к своим супружеским обязанностям, так что, если вы пошлете его к черту, ручаюсь, Алексей нисколько не удивится.

– А проживая здесь, Полина постоянно сидела взаперти? – задала я очередной вопрос.

– Нет, конечно...

– Тогда ее подруги, знакомые...

– Ее мало кто навещал, у нее, знаете ли, был паскудный характер. – Кирилл хохотнул, а я вновь насторожилась при слове «был». Почувствовав это, он поправился: – Не думаю, что она изменилась за несколько месяцев... В общем, близких друзей у нее нет. Возможно, кто-то позвонит по телефону, от встреч придется отказаться, это в самом деле опасно. Уверен, вы сможете поддержать разговор и придумать причину своего нежелания встречаться с этим человеком. Надеюсь, больше вопросов нет?

Он поднялся. Вопросов было множество, но стало ясно: отвечать на них мне придется самой. Что ж... Однако кое-что выяснить надо сейчас.

– Я могу покидать комнату?

– Разумеется.

– Я могу выходить из дома?

– Старайтесь не злоупотреблять этим. И, естественно, вас будут сопровождать.

– Вы будете жить в доме?

– Да, – помедлив, видно, пытаюсь понять, куда это я клоню, ответил он, а я удовлетворенно кивнула.

– Договорились. Я помогаю вам и получаю свои пятьдесят тысяч. И еще... Скажите Ивану, чтобы не торчал у меня за спиной, это здорово действует на нервы.

Кирилл уже открыл дверь, взглянул на часы и напомнил:

– Через час вас пригласят обедать, думаю, приглашение следует принять.

Он вышел и осторожно прикрыл за собой дверь, а я осталась сидеть в кресле, пялясь на ковер под ногами и пытаюсь отгадать, что за игру затеял Кирилл Сергеевич. Очень скоро мне стало ясно: с тем количеством знаний и наблюдений, что я имею на сегодня, это бесполезное занятие.

– Что ж, – вслух сказала я, чтобы себя подбодрить. – Займусь сбором информации.

Через сорок пять минут, в продолжение которых я по-прежнему сидела в кресле, меня позвали обедать: в дверь постучали, я ответила «да» и увидела на пороге молодого человека, одетого в темный костюм.

– Алексей Петрович просил вас спуститься в столовую, – по-женски высоким голосом сказал он и посмотрел выжидающе.

– Сейчас иду, – кивнула я и пошла в гардеробную переодеваться. По моим представлениям, богатая женщина вряд ли появится за столом в том же костюме, в котором проделала длительный путь. Я выбрала темно-синее платье (оно было чуть-чуть широковато в талии) и черные туфли, вновь обратив внимание на то, что обувь совершенно новая, а самое главное – моего размера. Впрочем, чему тут особенно удивляться: у миллионов людей в мире тридцать шестой размер обуви, почему бы и Полине не иметь такой же?

Столовая представляла собой самое мрачное помещение в доме. Длинная узкая комната с окнами с одной стороны, завешанными тяжелыми шторами. Огромный стол, стулья с высокими спинками. За стол мы сели втроем: Алексей Петрович, я и Кирилл. Подавал парень в светлой куртке, чем-то похожей на ливрею, типичный официант, однако выражение лица и взгляд, брошенный им на хозяина, меня насторожили. Как-то угадывалось, что держать в руках, например, обрезок трубы для него привычнее, чем поднос. Пока я не видела в доме ни одной женщины, зато успела познакомиться с тремя малосимпатичными молодыми людьми, и это не считая Ивана и таинственного Кирилла Сергеевича. Дом стал еще больше походить на тюрьму, где главный заключенный, возможно, – сам хозяин. Господи, что же они затеяли?

– Как планируешь провести вечер? – вдруг спросил Алексей Петрович. Голос прозвучал так, точно неожиданно ударили в колокол, – вот ведь чертово место.

– Собираюсь лечь спать, – хмуро ответила я. – Устала с дороги. Может, немного погуляю в саду. Ты, разумеется, хочешь, чтобы я безвылазно сидела в этом жутком доме?

– Вовсе нет, – испугался он. – Мне бы только хотелось... может быть, сегодня вечером мы немного посидим вдвоем? Тебе ведь есть что рассказать мне?

– Рассказать? – Я презрительно усмехнулась. – Мне совершенно нечего тебе рассказывать. Но если ты так желаешь, я зайду в библиотеку. Ужасный обед, – добавила я, поднимаясь из-за стола, и отправилась в свою комнату, но перепутала двери и оказалась в кухне. Тот самый парень в темном костюме, что звал меня обедать, сидел за столом и пил кофе, просматривая газету. При моем появлении он поднял голову и уставился вопросительно.

– Я хотела выйти в сад, – рявкнула я. – Кто-нибудь уберет этих кошмарных собак?

Парень нехотя поднялся и пошел к стеклянной двери, которая как раз выходила в сад, а я заглянула в дверь по соседству. За ней оказалась большая кладовая, на полке слева я заметила фонарик. Никогда не знаешь, что в жизни пригодится, – я взяла фонарик и покинула кухню, пока парень не вернулся. Никого не встретив в коридорах, я добралась до своей ком-

наты, спрятала фонарик под кровать и выглянула в окно. Собачки вроде бы отсутствовали, может, в самом деле стоит немного прогуляться?

Из башни должен быть выход в сад, я быстро сориентировалась и нужную дверь нашла сразу. Только оказавшись на улице, я по-настоящему поняла, как тяготит меня этот дом, и вздохнула с облегчением, подняв голову к голубому небу. Сад вовсе не был садом – несколько старых деревьев в разных частях довольно обширного пространства, сохранившиеся еще с тех времен, когда монстра из красного кирпича здесь и в помине не было. На колокольне ударили в колокол, я вздрогнула от неожиданности и посмотрела на часы: половина пятого, должно быть, сейчас начнется вечерняя служба. Я стояла, слушала, глядя на церковную колокольню, белой свечой устремившуюся в небо, потом перевела взгляд на дом. Трудно представить более неподходящее соседство.

Сад я осмотрела за десять минут и не нашла в нем ничего интересного, но еще с полчаса исправно вышагивала от дома к забору, потому что возвращаться в свою комнату не было ни малейшего желания. Обогнув дом, я оказалась перед очень странным сооружением: кирпичное, наполовину врытое в землю, слева высокая труба – тоже из красного кирпича, со стороны фасада ее не увидишь, а вот отсюда рассмотреть ее не составило труда. Однако приблизиться к чуду архитектуры мне не удалось. Металлическая дверь, к которой спускались пять ступеней, вдруг открылась, и моим очам предстал тот самый парень, что пил в кухне кофе. Он подозрительно посмотрел на меня, а я, вздернув подбородок, прошла мимо. Парень проводил меня взглядом и еще некоторое время стоял на углу, как видно, пытаясь решить, что я затеяла. Если честно, я и сама не знала. За сооружением с трубой, которое скорее всего было котельной, потому что ни на что другое просто не походило, оказалась асфальтированная площадка и еще одни ворота, поменьше и не такие красивые, как те, через которые мы въезжали. Возле кирпичной ограды стояли мусорные контейнеры. Неудивительно, что глаза у парня на лоб полезли: что могло понадобиться хозяйке в таком месте? Хотя, может, для него я как раз и не хозяйка, а заключенная. Повертев головой, я совсем было собралась покинуть дворик, но у контейнера вдруг что-то зашуршало, и послышалось жалобное мяуканье. Подойдя поближе, чтобы понять, в чем дело, я увидела котенка. Он сидел в наполовину заполненном контейнере и орал, потому что не мог вылезти.

– Подожди, глупыш, – усмехнулась я, – сейчас я тебе помогу.

Я пошарила вокруг глазами, увидела деревянный ящик, подтащила к контейнеру и, взбравшись на него, стараясь не испачкать платье, нагнулась, чтобы достать котенка. Тот повел себя неожиданно: фыркнул, выпустил когти и попытался спрятаться.

– Что ты делаешь? – принялась я увещевать неразумное животное. – Я же тебе помогаю.

Кот уговорам не внял, но я все-таки сумела ухватить его за шкурку и вытащить из контейнера. Вместо благодарности он исцарапал мне руку, вырвался и стрелой бросился со двора, протиснувшись в щель под воротами. Я только головой покачала и, честно сказать, на котенка обиделась, потому что рассчитывала оставить этого зверя у себя: вдвоем, как известно, веселей, да и друг в такой ситуации, как моя, не помешает, даже если он такой маленький. Кот рассудил иначе, и теперь я стояла на ящике возле контейнера и качала головой. Пора было уходить отсюда, вряд ли котенок вернется. Еще раз вздохнув, я неожиданно обратила внимание на содержимое контейнера: в основном это были коробки из-под обуви. Я достала одну и повертела в руках. Итальянская фирма, тридцать шестой размер. Коробок штук десять, размер один и тот же, но фирмы разные. Я вспомнила о туфлях в гардеробной. Совершенно новые туфли, а вот это коробки из-под них. Ну и что? Трудно ответить, почему это меня так насторожило.

Торопливо покинув двор, я минут пятнадцать бродила в саду, мысленно возвращаясь к туфлям и коробкам, озарения не удостоилась и вернулась в дом. Заперла дверь в своей комнате и еще раз тщательно ее осмотрела. Ничего такого, что бы могло подтолкнуть меня к разгадке. Запретив себе ломать голову, я отправилась в ванную и около часа наслаждалась предложен-

ным комфортом, здраво рассудив, что для построения версии нужны факты, а у меня пока ни одного. Туфли и эти дурацкие коробки, безусловно, имеют какое-то значение, но сейчас лучше о них не думать. Есть дела поважнее, например, надо решить, как вести себя с хозяином. Из разговора с Кириллом можно сделать вывод: ему грозит опасность, скорее всего не меньшая, чем мне. Как его предупредить? И станет ли он доверять незнакомой женщине, купленной врагами, чтобы сыграть роль его жены? Я бы на его месте поостереглась. К тому же моя откровенность может нам дорого стоить: Кирилл не скрывал возможных последствий. Велика вероятность, что телефоны прослушиваются, да и в комнатах могли насовать всякой дряни (конечно, это здорово похоже на шпионский фильм, но, когда речь идет о больших деньгах, люди на многое способны). Выход один: заставить его усомниться в том, что я Полина. Мысль показалась мне удачной. Еще немного поразмышляв и попытавшись составить подобие плана действий, я торопливо оделась и пошла в библиотеку.

Свет горел, но в комнате никого не было. Я сняла с полки том Гранта «Классическая Греция» и устроилась в кресле. Минут через двадцать дверь распахнулась, и тип в темном костюме, с которым мы сегодня встречались уже в четвертый раз, вкатил в библиотеку инвалидное кресло с Алексеем Петровичем.

– Спасибо, Андрей, – вежливо сказал он. Парень удалился, а Алексей Петрович виновато добавил: – Никак не могу научиться управляться с этой штукой. – Тут взгляд его замер на книге, которую я держала в руках, брови взметнулись вверх, и он растерянно спросил: – Тебя интересует история?

– Нет, – усмехнулась я, – обложка красивая. А здесь можно свихнуться от тоски.

– Ты же знаешь, для тебя безопаснее находиться здесь, – точно извиняясь, сказал он.

– Да? – Я презрительно хмыкнула, покачала головой и заявила: – Вовсе не уверена в этом.

– Уверена, – вздохнул он. – Иначе ты бы ко мне не вернулась.

– Ты об этом хотел поговорить?

– Нет. Я хотел поговорить о деньгах. Неделию назад я составил новое завещание. Когда я умру, все останется тебе. У Кирилла есть копия, хочешь взглянуть?

– Я тебе верю, – насмешливо ответила я. – А почему копия у Кирилла?

Он посмотрел непонимающе и ответил:

– Я решил, что, раз все документы хранятся у него... В конце концов, он наш адвокат. Ты что-то имеешь против?

– Нет, разумеется. Мне совершенно безразлично, кто наш адвокат. – Слово «наш» я произнесла с издевкой. – И это все? Больше ничего сообщить не желаешь? Ты мне завещал свои деньги, а что взамен?

– До моей смерти ты живешь в этом доме, – сказал он тихо. – Тебе ведь известно: ждать недолго...

– Зачем тебе это? – поморщилась я. – Между нами давно все кончено...

– Я хочу, чтобы ты была рядом, – упрямо заявил он. – В конце концов, ты моя жена. И те деньги, что ты получишь, стоят того, чтобы два часа в день быть со мной в одной комнате. – В голосе его послышались горькие нотки.

– Хорошо, – усмехнулась я, поднимаясь с кресла. – Сегодня мы виделись больше двух часов. Спокойной ночи. – Я направилась к двери, Алексей Петрович кивнул, неотрывно глядя на книгу в моих руках, я сунула ее под мышку и удалилась.

Итак, кое-что стало ясно: человек при смерти, а Кирилл затеял бесчестную игру и надеется с моей помощью заполучить деньги хозяина. Посмотрим, что у него из этого выйдет. Этот тип – адвокат, а за хозяином дома и мной наблюдают четыре охранника (может, их и больше), но время у меня есть. Пока я веду себя лояльно, вряд ли Кирилл перейдет к военным действиям, хотя ему ничего не стоит ускорить кончину хозяина. В этом мрачном доме, оторванный от всего мира, беспомощный калека всецело в его руках.

Размышляя об этом, я вышла в сад, моя комната успела осточертеть, и возвращаться я не торопилась. Свернула за угол и вновь оказалась перед котельной. В ту же самую минуту железная дверь распахнулась и появился Иван.

– Чего тебе здесь надо? – прошипел он, торопливо оглянулся и добавил: – Убирайся...

– Вот ты и убирайся, придурок, – ответила я, не очень беспокоясь о том, что нас могут услышать, дошла до ворот, высматривая котенка, и даже позвала: – Кис-кис!

Никто не отозвался, и я, насвистывая, вернулась в сад. Иван продолжал стоять возле двери в котельную, глядя на меня так, точно всерьез собирался разорвать меня на части. Его свирепый вид не помешал мне обратить внимание на замок на двери за его спиной. Замок был обыкновенный, английский, и это воодушевило. То, что возле котельной постоянно крутится кто-то из охраны, навело на интересные мысли. Стоит, пожалуй, посетить это сооружение.

Я вернулась в свою комнату и стала готовиться к ночной экспедиции (неизвестно, удастся ли ее осуществить, но попытаться стоило). Я нашла маникюрный набор и булавку с длинной иглой и красивой бабочкой на конце. Повертев ее в руках, я решила, что она сгодится, и вместе с пилкой для ногтей сунула в карман. Дело в том, что у меня был кое-какой опыт взломщика. На работе кто-нибудь из сотрудников обязательно забывал ключи от кабинета, причем с регулярностью раз в неделю. Бывало, ключи просто теряли, и в конце концов остался всего один ключ, который редко отдавали на вахту. Хлопнешь дверью – и готово дело, не можешь попасть на свое рабочее место. За слесарем приходилось идти в другое крыло, вот мы и приспособились отпирать замок подручными средствами. Больше всех в этом преуспела я. Подходя к кабинету и видя возле двери тоскующих коллег, я извлекала из сумки импровизированную отмычку, и буквально через несколько секунд граждане занимали рабочие места. Вскоре о моих способностях знал уже весь этаж, и в случае нужды обращались ко мне, а не к слесарю, потому что тот далеко да и на месте его не всегда застанешь, а я вот она – рядышком. Как любила повторять моя бабуля: «Учись, Наташа, все в жизни пригодится».

Я размышляла об этом, тупо уставясь в телевизор и ожидая наступления полуночи. Примерно к этому времени нормальные люди укладываются спать, и я смогу выяснить, как тщательно охраняется моя тюрьма.

Ровно в полночь я выключила телевизор и свет в комнате, предварительно сунув под одеяло на своем ложе свернутое покрывало и положив в изголовье диванную подушку. Трюк старый, но и им не грех воспользоваться. Если вдруг кто-то решит заглянуть в комнату, при известном везении может подумать, что я сладко сплю. Хотя очень возможно, что все мои хитрости напрасны и путешествие закончится на пороге комнаты.

Стараясь не производить шума, я открыла дверь и выглянула в коридор, сжав в руке фонарик. Коридор тонул в темноте, в стрельчатое окно заглядывала луна, высвечивая часть пола и стены. Не хватало только волчьего воя да летучих мышей под сводами. Точно в ответ на мои мысли на улице завывала собака, громко и протяжно, ей ответили громким лаем откуда-то со стороны сада. Две двери, выходящие в коридор, разом открылись, и появились охранники: любезный моему сердцу Иван и Андрей.

– В чем дело? – спросил Иван.

– Собаки воют, – проворчал Андрей.

– Сбесились, что ли?

– Может, девка сбежала из дома?

Я не стала дожидаться конца диалога, поспешно вернулась в комнату, забралась под одеяло и стала ждать. Вскоре дверь с легким скрипом открылась, а я приподнялась, включила ночник и рывкнула:

– Что за черт! – Иван торопливо выскочил из комнаты, а я запустила в дверь подушкой, заорав на весь дом: – Убирайся, придурок!..

Где-то через час все стихло, собачки успокоились, а я вздохнула: о том, чтобы покинуть дом, не могло быть и речи. Доберманы, как мне известно, хорошо бегают, а вот я не очень, и зубы у них не чета моим.

Но, несмотря на эти здравые рассуждения, я вновь вышла в коридор, правда, планы мои изменились. Мысль посетить котельную придется оставить, а вот дом стоит осмотреть. Если меня кто-то поймает за этим занятием, сошлюсь на бессонницу – в конце концов, я у себя дома и могу бродить, где вздумается, как та кошка.

На всякий случай я прихватила фонарик и, особо не прячась, отправилась в центральную башню. Столовая, кухня, наверху библиотека – план, начертанный Кириллом, я прекрасно помнила. Правда, кое-что Кирилл на нем забыл указать, например, дверь, выходящую из кухни в сад. На ночь ее, конечно, запирают, а если даже мне удастся ее открыть, собаки не позволят и шагу ступить. Очередным коридором я направилась в третью башню – в ней располагались комната хозяина и помещения для гостей, так, по крайней мере, значилось на плане. Скорее всего Кирилл живет там, поближе к своей жертве.

Комната Алексея Петровича находилась на первом этаже, из нее легко попасть в столовую, а из коридора – на лифте – в библиотеку. На второй этаж вела лестница, устроенная в толще стены, благодаря ей сходство со средневековым замком было полным. Держась за перила, я поднялась по крутым ступенькам. Из-под одной из дверей пробивался свет. Я прошла на цыпочках и прислушалась: тишина. Возможно, это комната Кирилла, хотя в доме и кроме него могут быть люди, о которых мне ничего не известно. В этих чертовых переходах может разместиться взвод солдат, и то их заметишь не сразу.

Из квадратного коридора вели четыре двери, по одной на каждую сторону света. Я выбрала наудачу одну из них и осторожно толкнула. Она легко поддалась, а я прислушалась. Сквозь узкие окна пробивался лунный свет, и предметы я различала хорошо. Комната нежилая, вся мебель зачехленная, огромное зеркало закрыто простыней, и даже картины на стенах тоже затянуты белой тканью. Разглядывать здесь было нечего, но расследование начинать с чего-то надо. В общем, я закрыла за собой дверь и включила фонарик.

Комната имела довольно странную форму, потому что занимала примерно четвертую часть круглой башни и от этого походила на кусок круглого торта. Три другие комнаты, должно быть, копия этой, слева – дверь в ванную и туалет. Я приподняла чехол на одном из кресел, взглянула на обивку без всякого толка и вздохнула. Можно всю ночь шататься по дому и сколько угодно тарашиться на мебель в чехлах, к разгадке происходящего здесь это меня не приблизит.

В крайней досаде я приподняла полотно на одной из картин и удивленно замерла: три башни, крыльцо, готические окна... вне всякого сомнения, это тот самый дом, в котором я сейчас нахожусь, только ограда отсутствует, зато сад выглядит очень впечатляюще. Картина внушительных размеров и в дорогой раме. Что ж, хозяева дома пожелали запечатлеть его на холсте. О вкусах не спорят.

Я отошла к противоположной стене, чтобы взглянуть на вторую картину. Это был портрет. Молодая женщина в кресле, руки сложены на подлокотнике, взгляд устремлен куда-то за мою спину, на губах едва заметная улыбка, точно художник задумал соревноваться с великим Леонардо. Подпись в углу «А. Морозов». Следовало признать, что портрет ему удался. Я отступила на несколько шагов и присмотрелась к женщине. Светлые волосы до плеч, короткая челка. Тонкий нос, большие глаза, красивый рисунок губ. Сердце вдруг испуганно забилося, а я в недоумении продолжала стоять перед портретом, вглядываясь в незнакомое лицо. Бог знает, почему портрет женщины произвел на меня такое впечатление, может, дело в улыбке и насмешке в ее глазах?

В коридоре послышался шум, я торопливо одернула полотно на картине и выключила фонарь.

– До завтра, – услышала я голос Кирилла. – Не волнуйся, все идет отлично.

Мужской голос что-то неразборчиво проворчал в ответ. Судя по шагам, человек направился в сторону лестницы, потом начал спускаться, скрипнула дверь, и все стихло. Выждав минут пять, я покинула комнату. Коридор был по-прежнему темен, а из-под двери комнаты, в которой предположительно жил Кирилл, свет не пробивался. Значит, этой ночью у хозяина комнаты были гости, вернее, гость. Человек, которого он заверял в надежности совместного предприятия, по крайней мере, похоже на то: как еще растолкуешь сказанное им? Человек этот – его компаньон, и он здесь, в доме. Охранников можно смело исключить, выходит, в доме есть некто, с кем я не встречалась, играющий в этой истории не последнюю роль. «Слишком много тайн», – решила я, осторожно спускаясь по лестнице, достигла первого этажа, оказалась на круглой площадке и тут с некоторым удивлением обнаружила, что лестница идет дальше вниз. Поднимаясь на второй этаж, я не обратила на это внимания. Выходит, внизу подвал, и, очень возможно, именно там сокрыто нечто интересное. Ночь, луна и дом, похожий на замок, повлияли на меня совершенно определенно: мне стали мерещиться тайны за каждым углом, злодеи с кинжалами и скелеты в шкафу. В общем, я устремила вниз. Лестница закончилась в узкой комнатке, из которой вела только одна дверь. Я подергала ее и убедилась, что она заперта. На стене, прямо над головой, я разглядела прямоугольное окошко, забранное решеткой. Во время своей прогулки я видела такое – как раз напротив котельной, сантиметрах в двадцати над асфальтом. Следовательно, я в подвале, а эта дверь, очень вероятно, ведет в ту самую котельную.

Рассмотрев замок, я извлекла свои отмычки и мысленно перекрестилась. Надо признать, мне было трудно объяснить, чем меня привлекала котельная. Тому, что там всегда присутствовал кто-то из охраны, могло быть очень простое объяснение, да и вообще, «всегда присутствовал» – весьма сомнительное утверждение, я и побывала-то там всего два раза, но, несмотря на эти здравые мысли, котельная меня очень и очень интересовала.

Открыть замок оказалось плевым делом. Я заглянула в темноту и прислушалась, потом включила фонарик. Короткий коридор, трубы вдоль стен и еще одна дверь впереди. Я осторожно щелкнула замком и торопливо достигла двери напротив. В отличие от первой, она не была заперта, и это насторожило. Я припала к ней ухом, несколько минут стояла, затаив дыхание, и лишь после этого решилась ее приоткрыть. В котельной царила крошечная тьма, и ничто не указывало на присутствие хоть одной живой души. Успокоившись, я включила фонарь и осмотрелась. Помещение было большим и без всякого намека на таинственность, так что я почувствовала что-то вроде разочарования. Какого черта я так рвалась сюда? И что ожидала увидеть?

В этот момент луч фонаря высветил печь с круглой заслонкой, и я испуганно вздрогнула. В голову полезла всякая чушь, я таращилась на печь, дрожала как осиновый лист, слыша, как бешено стучит мое сердце, и честно созналась самой себе, что печь мне не нравится – уж очень она напоминает подобную штуку в крематории. «Стоп, – вовремя сдержала я распоясавшееся воображение. – Это котельная, и печь здесь должна быть, с этим трудно спорить». Прямо за печью я осветила огороженное пространство, наполовину заполненное углем. Нелепый замок находится в историческом центре города, где дома очень старые, без удобств. Коммуникации проложены не были, оттого и возникла необходимость в собственной котельной. Возможно, теперь надобность в ней отпала, но труба и само строение так и остались. Помоему, все логично. Одно не вписывается в эту картину: какого черта здесь делает охрана? Я присела на корточки перед печью и с душевным трепетом открыла заслонку. Не знаю, что я ожидала увидеть, может, действительно обгоревшие кости, но, кроме золы, ничего не обнаружила и с облегчением вздохнула, а потом осмелела настолько, что запустила в золу руку и немного пошарила, не из любопытства даже, а для того, чтобы доказать себе: ничего страшного тут нет и быть не может. Пальцы наткнулись на что-то твердое. Устроившись поудобнее, я

смогла рассмотреть обгорелый кусок кожи, который не так давно был подошвой туфли: на нем даже остались несколько букв от названия фирмы и цифра 38 – вне всякого сомнения, размер. Покопавшись еще немного и не обнаружив ничего заслуживающего внимания, я сунула кусок подошвы в карман и приготовилась покинуть котельную. И тут наверху, где, надо полагать, была расположена дверь с улицы, раздался шорох: кто-то осторожно отпирал замок. Я торопливо огляделась. Дверь уже открылась, и человек вот-вот начнет спускаться по лестнице, мне не успеть добраться до выхода: он либо услышит меня, либо успеет заметить. Не раздумывая, я закатилась под одну из труб возле ближайшей стены и зажмурилась, призывая на помощь всех известных святых.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.